

На правах рукописи

Карнаухов Дмитрий Владимирович

**ИСТОРИЯ СРЕДНЕВЕКОВОЙ РУСИ
В ПОЛЬСКОЙ ХРОНОГРАФИИ
КОНЦА XV - НАЧАЛА XVII вв.**

Специальность 07.00.09 – историография, источниковедение
и методы исторического исследования

Автореферат

диссертации на соискание ученой степени
доктора исторических наук

Москва – 2011

Работа выполнена в центре «Историческая наука России» Учреждения Российской академии наук «Институт российской истории РАН».

Официальные оппоненты

доктор исторических наук
Бычкова Маргарита Евгеньевна

доктор исторических наук, профессор
Маловичко Сергей Иванович

доктор исторических наук, доцент
Филюшкин Александр Ильич

Ведущая организация

Южный федеральный университет,
г. Ростов-на-Дону

Защита состоится 13 октября 2011 г. в 11.00 часов на заседании Диссертационного совета Д 002.018.01 при Институте российской истории РАН по адресу: 117036, Москва, ул. Дм.Ульянова, д. 19.

С диссертацией можно ознакомиться в научной библиотеке Института российской истории РАН.

Автореферат разослан «____» _____ 2011 г.

Ученый секретарь
диссертационного совета
кандидат исторических наук

Е.И. Малето

ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА РАБОТЫ

Актуальность исследования. Для формирования взвешенного и корректного знания о прошлом России целесообразно соотнесение представлений и концепций отечественных историков с интерпретациями зарубежных наблюдателей. Взгляды иностранцев на историю России, для обозначения которых применяется обобщающее понятие *зарубежной исторической россики*, заслуживают пристального внимания исследовательского сообщества в силу их прикладного значения для налаживания политического и культурного диалога России с ее зарубежными партнерами, понимания природы комплексов и стереотипов взаимного восприятия.

Историческая мысль Польши позднего Средневековья и раннего Нового времени представляет особый интерес для исследователя зарубежной исторической *россики*, поскольку созданные в это время польскими авторами концепции русской истории в значительной степени оказали влияние на формирование исторических представлений не только польских, но также российских, украинских и белорусских ученых нового и новейшего времени, в немалой степени способствовали формированию национального самосознания и национальной исторической мифологии Польши и ее восточных соседей.

Характерные для исторической мысли Польши средневековой и ренессансной эпох «полоноцентристские» подходы как к освещению русской истории в целом, так и интерпретации ключевых событий политической и культурной истории Руси и ее отношений с соседними государствами и народами, послужили мощным фундаментом для последующего развития взглядов польских просвещенных элит на Россию. Прежде всего речь идет о формировании как правило негативных стереотипов восприятия русской исторической тематики, которые утвердились в культурно-историческом сознании поляков, нашли отражение в деятельности не только историков, но и интеллектуалов представляющих различные отрасли гуманитарного знания, а также польской творческой интеллигенцией XIX и XX вв.

В этой связи представляется важным дать объективную картину развития как польской хронографии избранной эпохи в целом, так и вклада ее отдельных представителей, способствовавших формированию исторического образа средневековой Руси. Представления польских историков о русской истории целесообразно рассматривать в их социо-

культурной и политической обусловленности: с одной стороны, в качестве продукта творческой деятельности создавших их историков, руководствовавшихся подходами к изучению прошлого, характерными для эпохи Возрождения, с другой стороны – в качестве идеологического конструкта, важного фактора обоснования внешнеполитической доктрины польского государства.

Причинами роста интереса польских историков к прошлому русских земель на рубеже Средних веков и эпохи Возрождения были обстоятельства преимущественно политического характера. «Русская» тема приобретает особую значимость для польских политических и интеллектуальных элит в результате усиления восточнославянского вектора внешней политики Польского королевства, а также в связи с начавшимся на рубеже XIV и XV вв. сближением Польши и Литвы, не скрывавших своих экспансионистских амбиций в отношении русских земель. В определенном смысле можно говорить о наличии своеобразного «заказа» со стороны польско-литовских правящих кругов, нуждавшихся в изучении прошлого и актуального положения Руси, рассматривавшейся ими как потенциальное «жизненное пространство» на востоке. Осуществлявшаяся на протяжении нескольких веков последовательная «инкорпорация» русских земель в состав Польши и Литвы должна была получить достаточно мощное историческое обоснование. В свою очередь, эта задача едва ли могла быть решена без глубокой интеллектуальной проработки исторического материала, создания согласованного с основополагающими принципами исторической картины мира поляков образа русской истории.

Результатом усилий, предпринятых в данном направлении, стало возникновение самобытной и разнообразной в своих проявлениях традиции восприятия прошлого русских земель. На протяжении только одного столетия усилиями выдающихся польских интеллектуалов Яна Длугоша, Матвея Меховия, Мартина Кромера, Марчина и Иоахима Бельских, Мачея Стрыйковского, а также натурализовавшегося в Польше итальянца Александра Гваньини были разработаны полноценные концепции истории средневековой Руси. В них подробно освещались вопросы происхождения «русских народов», их этнического и территориального размежевания, возникновения и эволюции русской (восточнославянской) государственности, вопросы взаимоотношений Киевской Руси и отдельных русских княжеств с Польшей, а также иными соседними государствами и народами.

Степень изученности темы. На ранних этапах развития научной историографии созданные польскими авторами конца XV – начала XVII вв. концепции истории средневековой Руси во многом воспринимались как образцы для подражания не только польскими, но и русскими историками раннего Нового времени. К примеру, хроника Стрыйковского получила широчайшее распространение в восточнославянской ученой среде, оказала огромное влияние прежде всего на развитие украинского летописания¹, а также деятельность российских историков конца XVII – начала XIX вв. А.И. Лызлова, В.Н. Татищева, А.П. Манкиева, М.В. Ломоносова, М.М. Щербатова, Н.М. Карамзина². Критика в адрес польских «учителей» со стороны российских историографов этого времени, как правило, ограничивалась частными вопросами и носила конъюнктурный характер, тогда как сами по себе трактовки русской истории, предложенные польской историографией, сомнению не подвергались.

В Польше вплоть до начала XIX в. также не предпринималось попыток существенного пересмотра концепций русской истории, созданных хронистами позднего Средневековья и Ренессанса, поскольку последние способствовали поддержке крайне лестных для поляков представлений о своем собственном героическом прошлом, отказ от которых мог негативно отразиться на культурно-исторической самоидентификации польского народа³.

Ревизия достижений старопольской хронографии⁴ происходит под влиянием революционных открытий в области археологии и сравнительного языкознания, благодаря которым были опровергнуты прежние концепции истории народов Восточной Европы, в том числе восточных славян, а доверие к их создателям было подорвано. В результате, польские концепции истории Руси потеряли былое значение авторитетно-

¹ Подробнее об этом см.: Rogow A. Maciej Strykowski i historiografia ukraińska XVII w. // *Slavia Orientalis*. 1965. № 3.

² Подробнее об этом см.: Rogow A.I. Стрыйковский и русская историография первой половины XVIII в. // *Источники и историография славянского средневековья*. М., 1967. С. 145-157.

³ Подробнее об этом см.: *Maślanka J. Słowiańskie mity historyczne w literaturze polskiego Oświecenia*. Wrocław, Warszawa, Kraków, 1968.

⁴ Термином «старопольская хронография» принято обозначать совокупность трудов историков эпохи Средневековья, Ренессанса и Барокко. В нашей работе его использование обусловлено тем обстоятельством, что применительно к историческим сочинениям конца XV – начала XVII в. некорректно использовать более узкие определения, так как этот период частично охватывает все три вышеупомянутые эпохи.

го источника достоверной информации о восточнославянских древностях, а содержавшие их хроники в эпоху расцвета критической историографии как правило интересовали исследователей лишь в качестве памятников литературного творчества, а также стали объектом археографических и библиографических изысканий.

Историки польской литературы, обращавшиеся к изучению старопольской хронографии, специального внимания особенностям описания русской истории не уделяли. Вместе с тем ими были исследованы важнейшие исторические сочинения этого времени, описана история их создания, выявлены источники и взаимные связи между различными авторскими проектами. Что также немаловажно, была продолжена инициированная в свое время польскими просветителями XVIII в. работа по переизданию важнейших памятников старопольской хронографии, а также переводу латиноязычных средневековых и ренессансных исторических сочинений на польский язык. К примеру, впервые в полном объеме была опубликована на языке оригинала, а также в современном польском переводе К. Мехежиньского хроника Длугоша (1878-1887), переизданы хроники Кромера (в старопольском переводе М. Блажовского, 1767, 1857), И. Бельского (1764, 1829-32, 1856) и Стрыйковского (1766, 1846), а также полный текст и отдельные фрагменты латинской и польской редакций сочинения Гваньини (1761, 1768, 1860). Издательская деятельность дополнялась работой библиографов – в рамках многотомной *Польской библиографии* Кароля и Станислава Эстрайхеров исторические произведения польских авторов были скрупулезно описаны, а также проведена работа по поиску их экземпляров в книгохранилищах разных стран⁵. Немалую научную ценность представляли также результаты исследований русских рукописных переводов хроник М. Бельского, Стрыйковского и Гваньини, предпринятых на рубеже XIX и XX вв. российскими археографами А.И. Соболевским⁶ и С. Пташицким⁷.

В XIX – первой половине XX в. исследование достижений отдельных авторов польских исторических сочинений конца XV – начала XVI вв. проводилось большей частью польскими учеными в обобщающих

⁵ *Estreicher K.* Bibliografia Polska. T. 12–33 : Stulecie XV–XVIII w układzie abecedowym. Kraków, 1891–1939.

⁶ *Соболевский А. И.* Переводная литература Московской Руси XIV—XVII вв.: Библиографические материалы. СПб., 1903.

⁷ *Пташицкий С.* Западно-русские переводы хроник Бельского и Стрыйковского: Библиографические заметки // Новый сборник статей по славяноведению. СПб., 1905.

трудах по истории польской литературы (Ф. Бентковский⁸, М. Вишневецкий⁹, И. Хжановский¹⁰, Р. Пилят¹¹ и др.), в вводных статьях к публиковавшимся источникам, а также в рамках монографических исследований, посвященных достижениям Длугоша (А. Семкович¹², М. Бобжыньский и С. Смолька¹³), Меховия (А. Божемский¹⁴), М. Бельского (И. Хжановский¹⁵) и Кромера (Ц. Валецкий¹⁶, Л. Финкель¹⁷). Особого внимания заслуживает обобщающее исследование тенденций развития старопольской хронографии предпринятое Л. Голембиовским¹⁸.

В русской, а точнее русскоязычной, научной литературе имперского (дореволюционного) периода интерес к достижениям польской историографии Средневековья и Ренессанса в области освещения русской истории в значительной мере подогревался славянофильскими устремлениями авторов, представлявших эту традицию. Отражению «славянской идеи» в литературных памятниках разных эпох было посвящено исследование профессора Варшавского императорского университета И.И. Первольфа. Второй том его монографии *Славяне. Их взаимные отношения и связи* (1888) представлял собой исследование славянофильских aspirations, выявленных автором исследования в историографии, публицистике, поэтических произведениях и т.д. В числе прочих И.И. Первольфом приводятся мнения польских средневековых и ренессансных историков, касавшиеся истории и культуры славянских стран, в том числе и Руси¹⁹.

⁸ *Bentkowski F.* *Historia literatury polskiej.* Т. II. Warszawa; Wilno, 1814.

⁹ *Wiszniewski M.* *Historia literatury polskiej.* Т. VII. Kraków, 1845.

¹⁰ *Chrzanowski I.* *Historia literatury polskiej.* Т. I. Warszawa, 1908.

¹¹ *Pilat R.* *Historia literatury polskiej od czasów najdawniejszych do roku 1815.* Т. I. Cz. II. Kraków, 1926. S. 147-156.

¹² *Semkowicz A.* *Kriticzny rozbiór "Dziejów Polski" J. Długosza.* Kraków, 1887.

¹³ *Bobrzyński M., Smolka S.* *Jan Długosz, jego życie i stanowisko w piśmienictwie.* Kraków, 1893.

¹⁴ *Borzemski A.* *Kronika Miechowity: Rozbiór kriticzny.* Kraków, 1890.

¹⁵ *Chrzanowski J.* *Marcin Bielski: Studium historyczno-literackie.* Lwów; Warszawa, 1926.

¹⁶ *Walewski C.* *Marcin Kromer.* Warszawa, 1874.

¹⁷ *Finkel L.* *Marcin Kromer - historyk Polski XVI wieku : rozbiór krytyczny.* Kraków, 1883.

¹⁸ *Gołębiowski Ł.* *O dziejopisach polskich, ich duchu, zaletach i wadach.* Warszawa, 1826.

¹⁹ *Первольф И.* *Славяне, их взаимные отношения и связи.* Т. 2. Славянская идея в литературе до XVIII в. Варшава, 1888. С. 111-144.

Работы польских авторов «времен усиления Московской государственности» в качестве источника известий о древнейшем периоде истории Руси характеризуются также в монографии М.О. Кояловича *История русского самосознания по историческим памятникам и научным сочинениям* (1884). Ее автор признает именно за польскими писателями наибольшую осведомленность в вопросах русской истории, поскольку «возрастание России и направление русских дел, составляли для Польши ближайший интерес»²⁰.

В числе польских историков, чьи работы особо ценны для формирования представлений о русской истории, М.О. Коялович называет Длугоша, Кромера, М. Бельского и Стрыйковского. Каждый из этих писателей был удостоен биографической справки и краткой оценки взглядов на русскую историю. Например, в *Польской истории* Длугоша, по мнению М.О. Кояловича, изложение русской истории было более «правдивым», чем в других польских исторических трудах, поскольку ее автор «во многих местах признает силу и даже правду за русским населением бывшего Литовского княжества»²¹. Хроника Кромера, напротив, характеризуется неоднозначно: в числе недостатков указывается на приверженность ее автора «латинскому и польскому фанатизму», а в числе достоинств – критический подход к «древнейшим и позднейшим событиям». Стрыйковский оценивается как легкомысленный автор, но в то же время как «человек отзывчивый», проникшийся «русским духом»²². Этими краткими характеристиками М.О. Коялович по сути ограничивает свой экскурс в историю польской историографии, никак не характеризуя конкретных свидетелей ее главных представителей об истории Руси.

Как можно видеть, даже в последние десятилетия существования Российской империи интерес к изучению старопольской историографии был минимален и опять же во многом конъюнктурно обусловлен. Крутой поворот в истории России, произошедший после Первой мировой войны, еще более усугубил ситуацию – научные исследования в интересующем нас направлении практически прекратились. С одной стороны, подобные тенденции объясняются тем, что после распада Российской империи и создания независимого польского государства были ослаблены научные связи между исследовательскими школами двух стран. С другой стороны,

²⁰ цит. по кн.: *Коялович М.О. История русского самосознания по историческим памятникам и научным сочинениям*. Минск, 1997. С. 92.

²¹ Там же. С. 93.

²² Там же. С. 94.

утвердившийся в России после 1917 г. новый политический режим старался пресечь любые формы гуманитарных контактов со странами, относившимися к враждебному «империалистическому» лагерю, в число которых входила и «буржуазная» Польша.

В столь сложных условиях безусловным успехом отечественной науки следует признать научное издание в 1936 г. *Трактата о двух Сарматиях* Меховия, которое включало в себя не только оригинальный латинский текст этого источника, но также его русский перевод, пространное введение и научный комментарий, подготовленные С.А. Аннинским²³.

Интерес к проблематике русско-польских отношений, в том числе вопросам восприятия истории восточных славян в исторической мысли Польши, возрастает в послевоенный период, во многом потому, что в это время данная проблематика приобретает не только научное, но и пропагандистское значение. Достижения восточнославянских и польской исторических школ были различными.

Уровень научного интереса и результаты исследования старопольской хронографии в СССР и постсоветских странах едва ли можно признать удовлетворительными, поскольку по данной теме не было опубликовано серьезных обобщающих научных трудов²⁴. Вместе с тем в качестве очевидного достижения восточнославянских ученых²⁵ можно отметить переводы на русский и украинский языки отдельных памятников польской исторической мысли Средневековья и Ренессанса: в русском переводе были опубликованы хроника Галла Анонима²⁶ и

²³ *Матвей Меховский. Трактаат о двух Сарматиях / введ., пер., коммент. С.А. Аннинского. М.; Л., 1936.*

²⁴ Обор истории развития исторической мысли Польши был предпринят лишь в рамках учебных пособий, разработанных Л.А. Зашкильняком (*Зашкильняк, Л.А. Формирование и развитие исторической науки в Польше. Львов, 1986*) и А.А. Семянчук, представлявшей собой переработку кандидатской диссертации этой белорусской исследовательницы (*Семянчук А. А. Беларуска-літоўскія летапісы і польскія хронікі. Гродна, 2000; Она же. Польскія хронікі другой паловы XVI ст. як крыніцы па гісторыі Вялікага княства Літоўскага. Дысэртацыя на атрыманне вучонай ступені кандыдата гістарычных навук. Мінск, 1997*); определенную научную ценность также представляет также статья А.А. Семянчук опубликованная на польском языке (*Semiańczuk A., Semiańczuk H. Oblicza Wschodu w dziejopisarstwie polskim do końca XVI wieku // Oblicza Wschodu w kulturze polskiej. Poznań, 1999*).

²⁵ Здесь и далее определение «восточнославянский» применяется для обозначения исторических школ России, Украины и Белоруссии, во многом унаследовавших традиции советской исторической школы.

²⁶ *Галл Аноним. Хроника и деяния князей или правителей польских / Предисл., пер. и комм. Л. М. Поповой. М., 1961.*

Великопольская хроника²⁷, а также фрагменты сочинений Длугоша²⁸ и Гваньини²⁹, в переводе на украинский язык – польскоязычная хроника Гваньини³⁰. Кроме того были исследованы «русские» известия содержащиеся в сочинениях ряда польских историков Средневековья и эпохи Возрождения: автора Великопольской хроники (Н.И. Щавелева³¹), Винцентия Кадлубка (А.Б. Головки³²), Длугоша (М.Н. Тихомиров³³, Ю.А. Лимонов³⁴, Н.И. Щавелева³⁵, А.В. Назаренко³⁶), Меховия (Ю.А. Лимонов³⁷), Б. Ваповского (Л.Л. Михайловская³⁸, М.М. Кромм³⁹), М. Бельского (А.И. Рогов⁴⁰), Стрыйковского (А.И. Рогов⁴¹,

²⁷ «Великая хроника» о Польше, Руси и их соседях XI-XIII вв. / Вступ. ст., комм. Н.И. Щавелевой. М., 1987.

²⁸ Длугош Я. Грюнвальдская битва / Пер. с лат. Г.А. Стратановского. М.; Л., 1962.

²⁹ Гваньини А. Описание Московии / Пер. с лат. и комм. Г.Г. Козловой. М., 1997.

³⁰ Гваньїні О. Хроніка Європейської Сарматії / Упорядкув. та пер. з пол. о. Ю. Мицика. Київ, 2007.

³¹ Щавелева Н.И. Древнерусские известия Великопольской хроники // Летописи и хроники за 1975. 1976.

³² Головки О.Б. Київська Русь на сторінках хроніки В. Кадлубека // Український історичний журнал. 1993. № 6. С. 27-37.

³³ Тихомиров М. Н. Русский летописец в «Истории Польши» Яна Длугоша // Исторические связи России со славянскими странами и Византией. М., 1969.

³⁴ Лимонов Ю.А. Русские источники Яна Длугоша по истории Киевской Руси // Проблемы истории феодальной России. Л., 1971; *Он же*. Польский хронист Ян Длугош о России // Феодальная Россия во всемирно-историческом процессе. М., 1972.

³⁵ Щавелева Н.И. Русь и русские в «Анналах» XV в. Иоанна Длугоша // Восточная Европа в древности и средневековье: Историческая память и формы ее воплощения: XII чтения памяти В.Т. Пашуто: Материалы конференции. М., 2000. С. 173-179; *Она же*. Древняя Русь в «Польской истории» Яна Длугоша (книги I–VI): текст, пер., коммент. М., 2004.

³⁶ А.В. Назаренко выступил в качестве соавтора Н.И. Щавелевой при составлении научного комментария к изданию «русских» фрагментов хроники Длугоша (Там же. С. 365-452).

³⁷ Лимонов Ю. А. «Хроніка Польщі» Матвія Меховського та її давньоруські джерела // Укр. іст. журн. 1976. № 3.

³⁸ Михайловская Л. Л. Белоруссия и Литва конца XIV — первой трети XVI в. (по материалам хроники Б. Ваповского). Автореф. дисс. на соискание уч. степени канд. ист. наук. Минск, 1981.

³⁹ Кром М.М. Сведения по истории России конца XV - первой трети XVI в. в Хронике Бернарда Ваповского // Россия в IX-XX веках: Проблемы истории, историографии и источниковедения: Сборник статей и тезисов докладов Вторых чтений, посвященных памяти А.А. Зимина. М., 1999. С. 229-232.

⁴⁰ Рогов А. И. Известия по истории России в «Хронике всего света» Мартина Бельского // Новое о прошлом нашей страны. М., 1967.

⁴¹ Рогов А. И. Русско-польские культурные связи в эпоху Возрождения (Стрыйковский и его хроника). М., 1966.

Н.Н. Улащик⁴²) и Гваньини (Н.П. Ковальский⁴³, О.А. Дячок⁴⁴, Ю.А. Мыцык⁴⁵). Свидетельства польских авторов об истории средневековой Руси при этом как правило рассматривались в качестве важного фактора развития русско-польских культурных связей.

Польская историография второй половины XX – начала XXI вв. добилась значительных успехов в изучении наследия старопольской хронографии. Различные аспекты деятельности представлявших ее авторов получили освещение в работах польских историков литературы и историков историографии. Здесь следует отметить прежде всего разделы посвященные исторической мысли Польши Средневековья и Ренессанса в обобщающих трудах К. Тыменецкого⁴⁶, Т. Улевича⁴⁷, Я. Домбровского⁴⁸, Х. Барыча⁴⁹, Е. Серчыка⁵⁰, А. Гейштора⁵¹ и А.Ф. Грабского⁵². В немалой степени интерес к старопольской хронографии был обусловлен публикациями важнейших памятников средневековой и ренессансной хронографии: латинского оригинального текста и нового польского перевода труда Длугоша⁵³, *Трактата о двух Сарматиях* Меховия в современном переводе Т. Беньковского⁵⁴, поэмы *О началах, происхождении и деяниях*,

⁴² Улащик Н. "Литовская и жмоитская кройника" и ее отношение к хроникам Быховца и Стрыйковского // Славяне и Русь. М., 1968. С. 374 – 411; *Он же*. Белая и Черная Русь в «Хронике» Матвея Стрыйковского // Исследования по истории и историографии феодализма. М., 1982.

⁴³ Ковальский Н. П. Известия по истории и географии Украины XVI в. в «Хронике Сарматии Европейской» Александра Гваньини // Некоторые проблемы отечественной историографии и источниковедения. Днепропетровск, 1972. Вып. 1.

⁴⁴ Дячок О. О. «Хроніка Європейської Сарматії» А. Гваньїні як джерело з історії України. Дніпропетровськ, 1992.

⁴⁵ Мицик Ю. Опис України у хроніці Олександра Гваньїні // Всесвіт. 2000. № 11/12; *Он же*. Опис Московської держави у хроніці О. Гваньїні // Іст. журн. 2005. № 6; 2006. № 1–4.

⁴⁶ Tymieniecki K. Zarys z dziejów historiografii polskiej. Kraków, 1948.

⁴⁷ Ulewicz T. Sarmacja: Studium z problematyki słowiańskiej XV i XVI w. Kraków, 1950.

⁴⁸ Dąbrowski J. Dawne dziejopisarstwo polskie. Wrocław, 1964.

⁴⁹ Barycz H. Szlakami dziejopisarstwa staropolskiego: studia nad historiografią w. XVI–XVIII. Wrocław [etc.], 1981.

⁵⁰ Serczyk J. 25 wieków historii: historycy i ich dzieła. Toruń, 1994.

⁵¹ Gieysztor A. Polish Historians and the Need for History in 15th and 16th Century Poland // The Polish Renaissance in its European Context. Bloomington; Indianapolis, 1988.

⁵² Grabski A.F. Zarys historii historiografii polskiej. Poznań, 2000.

⁵³ Ioannis Dlugossii Annales seu Cronicae incliti regni Poloniae [T. I – X]. Varsavia; Cracovia, 1964–2005; *Jana Długosza Roczniki czyli Kroniki sławnego Królestwa Polskiego* [T. I – X]. Warszawa, 1961–2006.

⁵⁴ Maciej z Miechowa. Oпис Сармациі Азјатыцкјей і Европјейскјей / Wstęp H. Barycz, przekł. i komentarz T. Bieńkowski. Wrocław [etc.], 1972.

делах рыцарских славного народа литовского, жемоитского и русского Стрыйковского⁵⁵, а также двух заключительных книг хроники Кромера в современном польском переводе Е. Старнавского⁵⁶. Эти публикации сопровождались научными комментариями, в которых затрагивались в том числе вопросы формирования представления польских хронистов об истории средневековой Руси.

Значительный вклад в исследование наследия конкретных авторов польских средневековых и ренессансных хроник внесли Х. Барыч⁵⁷, Ю. Раджишевская⁵⁸, З. Войтковяк⁵⁹, У. Борковская⁶⁰, С. Гжыбовский⁶¹, А. Джюба⁶², Д. Щнежко⁶³ и др. При этом достижения современной польской историографии в изучении «русских» известий польских средневековых и ренессансных авторов были весьма скромными. Специально посвященных этой теме монографий не было опубликовано, результаты исследований отдельных аспектов темы нашли отражение в статьях и рецензиях на работы советских историков: следует отметить вклад в разработку интересующей нас темы А. Гейштора⁶⁴, Ю. Бардаха⁶⁵,

⁵⁵ *Strykowski M.* O początkach, wywodach, dzielnościach, sprawach rycerskich i domowych sławnego narodu litewskiego, zemojdzkiego i ruskiego, przedtym nigdy od żadnego ani kuszone, ani opisane, z natchnienia Bożego a uprzejmie pilnego doświadczenia / oprac. i koment. J. Radziszewska. Warszawa, 1978.

⁵⁶ *Marcin Kromer.* Mowa na pogrzebie Zygmunta I oraz O pochodzeniu i o dziejach Polaków księgi XXIX i XXX / wstęp, przekł. i oprac. J. Starnawski. Olsztyn, 1982.

⁵⁷ *Barycz H.* Dwie syntezy dziejów narodowych przed sądem potomności: Losy „Historii“ Długosza i Kromera w XVI w. i w połowie XVII w. // *Pamiętnik literacki.* 1952; z. 1-2. ss. 203-250.

⁵⁸ *Radziszewska J.* Maciej Strykowski: historyk-poeta z epoki Odrodzenia. Katowice, 1978; *Radziszewska J.* Warsztat naukowy Marcina Kromera [1512–1589] w jego dziele «De origine et rebus gestis Polonorum» // *Pr. Nauk. Uniw. Śląskiego w Katowicach.* 1982. № 525: Historia i Współczesność. T. 6; *Radziszewska J.* Źródła Marcina Kromera do dzieła «De origine et rebus gestis Polonorum libri XXX» // *Studia Warmińskie.* 1989 [druk: 1994]. T. 26.

⁵⁹ *Wojtkowiak Z.* Maciej Strykowski – dziejopis Wielkiego Księstwa Litewskiego: kalendarium życia i działalności. Poznań, 1990.

⁶⁰ *Borkowska U.* Historiograficzne poglądy Jana Długosza // *Długossiana: studia historyczne w pięćsetlecie śmierci Jana Długosza.* Warszawa; Kraków, 1985. Cz. 2.

⁶¹ *Grzybowski S.* Marcin Kromer czyli Kariera snoba // *Pisarze staropolscy : sylwetki.* Warszawa, 1997. T. 2; *Grzybowski S.* Jan Długosz. Kraków, 2003.

⁶² *Dziuba A.* Wczesnorennesansowa historiografia polsko-łacińska. Lublin, 2000.

⁶³ *Śnieżko D.* Kronka wszystkiego świata Marcina Bielskiego: pogranicze dyskursów. Szczecin, 2004.

⁶⁴ *Гейштор А.* Образ Руси в средневековой Польше // *Культурные связи России и Польши. XI–XX вв.* М., 1998.

⁶⁵ *Bardach J.* Kronika Macieja Strykowskiego i jej rozpowszechnienie w Rosji // *Przeł. Hist.* 1967. Z. 2.

Ф. Щелицкого⁶⁶, Л. Базылева⁶⁷, Ю. Раджишевской⁶⁸, А. Кияса⁶⁹, Я. Поверского⁷⁰, О. Латышонка⁷¹ и П. Борека⁷² и др.

Особенностям изучения достижений старопольской хронографии в целом и проблематики освещения в трудах представлявших ее авторов истории средневековой Руси вышеупомянутыми восточнославянскими и польскими учеными⁷³ уделено внимание в 1 и 4 параграфах 1-й главы данной диссертационной работы.

Анализ степени изученности темы диссертации позволяет заключить, что комплексного исследования вопроса формирования представлений об истории средневековой Руси в польской хронографии конца XV – начала XVII вв. до настоящего времени не проводилось. Также отсутствуют работы посвященные обобщению опыта разработки данной темы в отечественной и зарубежной критической историографии Нового и Новейшего времени.

⁶⁶ *Sielicki F.* Kroniki staroruskie w dawniej Polsce na tle polsko-ruskich stosunków kulturalnych // *Slavia Orientalis*. 1964. Т. 13; *Sielicki F.* Jan Długosz i latopisy ruskie // *Opuscula Polonica et Russica*. 1997. Т. 5.

⁶⁷ *Bazyłow L.* Rosja w polsko-łacińskiej literaturze politycznej XVI wieku // *Slavia Orientalis*. 1974. № 1.

⁶⁸ *Radziszewska J.* W sprawie korzystania przez Długosza z «Powieści minionych lat» // *Ziemia Częstochowska*. 1984. Т. 14.

⁶⁹ *Kijas A.* Nowogród Wielki w Rocznikach Jana Długosza // *Europa Orientalis: Polska i jej wschodni sąsiedzi od średniowiecza po współczesność*. Toruń, 1996; *Kijas A.* Moskwa w relacjach polskich XVI i pierwszej połowy XVII wieku // *Oblicza Wschodu w kulturze polskiej*. Poznań, 1999.

⁷⁰ *Powierski J.* Ruś w opiniach najwcześniejszych polskich kronikarzy // *Polacy o Ukraincach, Ukraińcy o Polakach. Materiały z sesji naukowej pod redakcją Tadeusza Stegnera*. Gdańsk, 1993, S. 10-59.

⁷¹ *Łatyszonek O.* Polityczne aspekty przedstawienia śriedniowiecznych dziejów ziem białoruskich w hisroriografii Wielkiego Księstwa Litewskiego XV-XVI ww. // *Białoruskie Zeszyty Historyczne*. 2006. S. 5-44.

⁷² *Borek P.* Ruś w Kronice Macieja Strykowskiego // *Mediaevalia Ucrainica: ментальність та історія ідей*. Київ, 1998. Т. 5.

⁷³ Ученые представляющие исследовательские школы других стран практически не уделяли внимание интересующей нас проблематике формирования исторического образа Руси в старопольской хронографии. Вместе с тем в отдельных публикациях немецких авторов содержится предпринимается попытка анализа польской традиции исторических представлений этого времени. См., например: *Bömelburg H.-J.* Frühneuzeitliche Nationen im östlichen Europa: das polnische Geschichtsdenken und die Reichweite einer humanistischen Nationalgeschichte (1500-1700). Wiesbaden, 2006; *Kersken N.* New Types of National Historiography in the 15th and 16th century // *Uniwersalizm i regionalizm w kronikarstwie Europy Srodkowo-Wschodniej: średniowiecze – początek czasów nowożytnych*. Lublin, 1996. S. 27-50.

Объектом исследования является польская хронография конца XV – начала XVII вв. – совокупность исторических хроник и иных сочинений исторической тематики, содержащих сведения по истории средневековой Руси, ее отдельным проблемам и аспектам.

Предметом исследования являются представления об истории русских земель и их взаимоотношениях с соседними государствами и народами, посвященные периоду с древнейших времен до 1506 г.⁷⁴, содержащиеся в сочинениях, созданных польскими авторами в период с 1480 по 1611 гг.

Данные **хронологические рамки** обусловлены особенностями развития исторической мысли Польши на рубеже Средних веков и Нового времени. Выбор в качестве нижней хронологической границы 1480 г. продиктован важностью связываемого с этой датой события в истории польской историографии – созданием хроники Длугоша, которая стала важнейшим источником представлений об истории Польши и других стран Восточной Европы для многих поколений польских интеллектуалов. Именно в этом сочинении впервые был представлен обстоятельный очерк истории русских земель, согласованный с описанием истории польского народа. 1611 г. в качестве верхней хронологической границы исследования избран в связи с тем, что именно в этом году завершается цикл публикаций исторических хроник, содержавших элементы новизны в интерпретации истории средневековой Руси: изданием польскоязычных версий изначально публиковавшихся на латыни сочинений Кромера и Гваньини, которые в дальнейшем способствовали популяризации «русской» проблематики не только в Польше, но и в среде знавших польский язык восточнославянских книжников. За этот относительно короткий временной отрезок в Польше и за ее пределами было налажено регулярное издание исторических сочинений польских авторов в латинской и польской языковых версиях, а также переводах на иностранные языки, которые содержали описание истории средневековой Руси и

⁷⁴ Хронологическое ограничение предмета исследования обусловлено тем обстоятельством, что значительная часть созданных в интересующий нас период хроник была доведена до 1506 г. времени кончины польского короля Александра, тогда как содержащиеся в них «русские» известия разделялись хронологически тем же годом знаковым для русской истории событием – кончиной Великого князя Московского Ивана Васильевича. Отдельные хроники включали описания также более позднего периода, некоторые из них были доведены до конца XVI в. В диссертационной работе эти известия специально не рассматриваются, поскольку они обладают определенной спецификой и достаточно объемны, что может сделать их предметом отдельного исследования.

способствовали популяризации «русской» исторической тематики во всей Европе.

Территориальные рамки исследования. Польская хронография в заявленных хронологических рамках изучалась, в основном, на примере ведущих центров интеллектуальной культуры Польского королевства и других стран Европы, где жили, занимались изысканиями и публиковали свои сочинения польские историки, а также натурализовавшиеся в Польше иностранцы. Среди польских центров научной жизни выделяется Краков, где было опубликовано подавляющее большинство привлеченных в качестве источников сочинений исторической тематики. Среди зарубежных (непольских) центров можно выделить Базель, где издавались на латинском языке труды польских историков, предназначенные прежде всего для широкого распространения за границами Польши. Жизнь и деятельность авторов польских исторических сочинений была связана не только с этими двумя городами: польские историки занимались сбором исторического материала, а также находились на военной службе, выполняли ответственные поручения светских и церковных властей в различных регионах Польши и Литвы, а также в разных странах Европы.

Целью исследования является изучение представлений об истории средневековой Руси, содержащихся в памятниках польской исторической мысли конца XV – начала XVII вв., выявление основных закономерностей и определение этапов их формирования, происходившего в контексте изменявшейся ситуации в региональных международных отношениях, главными участниками которых были Польша и Русское централизованное государство.

Для достижения указанной цели предполагается решение следующих **задач**:

- обобщить опыт исследования польской хронографии конца XV – начала XVII вв. и характерных для нее представлений об истории средневековой Руси в отечественной и зарубежной историографии Нового и Новейшего времени;

- осуществить анализ структуры и типологии «русских» известий, представленных в трудах польских историков конца XV – начала XVII вв. Яна Длугоша, Матвея Меховия, Мартина Кромера, Марчина Бельского, Иоахима Бельского, Мачея Стрыйковского, Александра Гваньини и ряда других авторов;

- выявить предпосылки и причины обращения авторов польских исторических сочинений конца XV – начала XVII вв. к изучению истории средневековой Руси, определить исторические факторы, оказавшие влияние на их творчество, а также основные приоритеты, идеологические акценты и сюжетные линии в освещении данной проблематики;

- проанализировать основные тенденции развития представлений авторов польских исторических сочинений конца XV – начала XVII вв. о происхождении и этнической номинации восточных славян и других, взаимодействовавших с ними, народов Восточной Европы;

- показать взгляды польских историков конца XV – начала XVII вв. на проблему возникновения и эволюции русской государственности;

- раскрыть особенности восприятия польскими историками конца XV – начала XVII вв. культурно-религиозной самобытности Руси;

- определить специфику представлений польских авторов конца XV – начала XVII вв. о роли русских земель в системе международных отношений Восточной Европы эпохи Средневековья.

Основными источниками исследования являются памятники польской хронографии: исторические сочинения различных типов, созданные польскими авторами в конце XV – начале XVII в. и содержавшие сведения об истории средневековой Руси.

Историографическая традиция этого времени впитала черты двух культурных эпох – позднего Средневековья и Ренессанса. При этом авторы исторических трудов, как правило, ориентировались на формы и методы описания прошлого, утвердившиеся в интеллектуальной среде средневековой Европы. Из трех форм исторического сочинения, получивших широкое распространение в Средние века, – *анналов* (*annales*), *истории* (*historia / gestae*) и *хроники* (*chronica*) – именно последняя оказалась наиболее привлекательной и приемлемой для авторов эпохи Возрождения, представлявших различные страны Европы. Б. Гене в свое время обратил внимание на процесс эволюции *хроники* как формы исторического сочинения – от сознательного и продуманного «конспекта», краткого изложения истории, главной задачей которого было «восстановление хронологии прошлого»⁷⁵, до некоего «смешанного» жанра, признанного «колыбелью новой исторической науки», в котором ужива-

⁷⁵ Гене Б. История и историческая культура средневекового Запада. М., 2002. С. 236–237.

лись хронологическая точность и «искусство повествования», изложение фактов и причинно-следственная связь между ними⁷⁶.

Исследования польских ученых, представляющих различные отрасли гуманитарного знания, показали, что в Польше, как и в других странах Европы, на рубеже Средневековья и эпохи Возрождения, хроника становится полноценным литературным произведением, посвященным описанию событий всеобщей, национальной или локальной истории⁷⁷. В польской хронографии этого времени проявляется авторский подход к организации излагаемого материала, о чем свидетельствует наличие сюжетного повествования, назидательных пассажей, содержащих морализаторские или панегиристические рассуждения историка, комментарии к фактам и событиям, выводов и т. д. При этом стиль и характер этих элементов наррации зависели от той культурной среды, в которой сформировалось мировоззрение автора конкретного сочинения.

Отмеченная эволюция позволила хронике как жанру исторического сочинения пережить эпоху Средневековья, что дает нам основание пересмотреть получившее широкое распространение в отечественной науке представление о ней как о порождении «феодално-церковной историографии»⁷⁸ и рассматривать ее как универсальный феномен интеллектуальной культуры Средневековья и Ренессанса. Именно этими соображениями продиктован выбор обобщающего понятия *хронография* для обозначения польской литературной традиции исторической тематики XV – XVII вв.⁷⁹

⁷⁶ Там же. С. 244.

⁷⁷ *Kronika* // Encyklopedia wiedzy o książce. Wrocław; Warszawa; Kraków, 1971. S. 1244 ; *Michałowska T.* *Kronika* // Słownik literatury staropolskiej (Śriedniowiecze – Renesans – Barok). Wrocław; Warszawa; Kraków, 1990. S. 346, 353–354 ; *Grabski A. F.* *Dzieje historiografii*. Poznań, 2006. S. 242–243.

⁷⁸ *Вайнштейн О. Л.* Западноевропейская средневековая историография. М.; Л., 1964. С. 103–109.

⁷⁹ Термин *хронография* был введен в научный оборот М.А. Заборовым и Н.И. Щавелевой, которые использовали его для обозначения одной из спецификаций средневековой историографии, а именно совокупности литературных средневековых памятников исторической тематики, в которых история описывалась в хронологической последовательности (см. *Заборов М.А.* Введение в историографию крестовых походов (Латинская хронография XI — XIII вв.). М. 1966; *Щавелева Н.И.* Древняя Русь в польской латинской хронографии. Автореф. дисс. на соискание уч. степени канд. ист. наук. М., 1976; *Она же.* Предисловие // «Великая хроника» о Польше, Руси и их соседях XI – XIII вв. М., 1987. С. 6-7). В польском языке термину *хронография* соответствует термин *kronikarstwo*.

Польские хроники, созданные в период с 1480 по 1611 гг., составляют наиболее важную и многочисленную группу историографических источников диссертационного исследования. К ним относятся сочинения Длугоша, Меховия, Кромера, Марчина и Иоахима Бельских, а также Стрыйковского, в которых «русские» известия либо интегрировались в описание истории польского народа, либо излагались в специально посвященных восточнославянской проблематике тематических разделах. В некоторых сочинениях (третья редакция хроники М. Бельского, польскоязычная версия труда Гваньини) эти принципы изложения материала сочетались. Особое положение среди источников занимает хроника и иные исторические произведения Стрыйковского, в которых концепция истории Руси занимает равноправное положение с концепцией истории Польши и Литвы.

При работе с польскими хрониками уделялось внимание изменениям, которые вносились в их содержание авторами при подготовке к публикации новых редакций ранее опубликованных трудов (Кромер, М. Бельский, Стрыйковский), а также при переводе латиноязычных оригинальных версий исторических сочинений на польский язык (Кромер, Гваньини). Эти изменения нередко свидетельствовали об эволюции авторской концепции истории русских земель, или отражали иное понимание материала со стороны переводчиков. В случае идентичности «русских» известий в различных редакциях одной и той же хроники предпочтение отдавалось наиболее ранним редакциям, а также публикациям на языке оригинала, нежели переводам⁸⁰.

Помимо хроник, свидетельства по истории средневековой Руси были представлены также в иных видах историографических источников, созданных польскими авторами XVI в., прежде всего в географических и политических «описаниях» (*descriptio*) стран восточноевропейского региона, которые отличались относительно небольшим объемом и направленностью на освещение прикладных тем, содержали главным образом сведения о современном положении русских земель. В них как правило обнаруживаются лишь краткие исторические экскурсы, призванные облегчить читателю понимание актуальной ситуации. К сочинениям такого рода относились ученые трактаты Матвея Меховия и

⁸⁰ Данный подход к источнику позволяет отследить заимствования исторического материала современниками и последователями того или иного историка, причем нередко для определения таких заимствований необходимо сопоставление особенностей передачи информации на языке оригинала.

Яна Красиньского, а также отдельные разделы посвященные Великому княжеству Литовскому, «московской монархии» и «русской земле», вошедшие в состав латинской и/или польской версий сочинения Гваньини.

Помимо польских историографических источников конца XV – начала XVII вв. при проведении исследования использовались польские хроники и анналы XII – XIV вв., а также зарубежные памятники разного времени, из которых польские авторы заимствовали сведения об истории средневековой Руси. К первой группе отнесены хроники Галла Анонима, Винцентия Кадлубка, Великопольская хроника, хроника Янка из Чарнкова и ряд других источников. Их использование позволило обозначить преемственность в подходах к описанию истории Руси польских авторов различного времени. Во вторую группу включаются: русские летописи различного происхождения (Повесть временных лет по Лаврентьевскому списку, хроника Быховца, Евреиновская летопись и др.), использование которых рядом польских авторов было подтверждено при проведении сравнительного текстологического анализа; западноевропейские трактаты и записки путешественников о московском государстве, в числе которых наибольшим авторитетом у польских историков пользовались *Записки о Московитских делах* Сигизмунда Герберштейна, сочинения Иоанна Фабри, Альберта Кампенского, Павла Иовия и др. авторов.

Более детальный анализ сочинений польских историков, представивших на страницах своих сочинений описания истории средневековых русских земель, а также анализ трудов, послуживших для них источниками, проводится во 2 параграфе 1-й главы диссертационной работы.

Теоретико-методологические основания исследования. Изучение представлений об истории Руси польских историков конца XV – начала XVII вв., сопряжено с привлечением теоретико-методологического инструментария, позволяющего раскрыть особенности данной разновидности историографической рефлексии с учетом породившей ее эпохи и национальной принадлежности ее субъектов.

Изучение исторической мысли Польши потребовало привлечения научных данных, полученных учеными разных отраслей гуманитарного знания, в связи с чем в диссертационной работе применялся междисциплинарный подход, исследование проводилось на стыке нескольких гуманитарных наук: истории историографии, истории литературы, исторического языкознания, книговедения и культурологии.

Историографические факты, явления и идеи, характерные для польской хронографии конца XV – начала XVII в., рассматривались в качестве результата научно-познавательной деятельности историков, обусловленной влиянием объективных и субъективных факторов.

Исследование построено на основе принципа историзма, а также использован ряд традиционных и инновационных для историографического исследования методов и подходов. Историко-генетический метод позволил выявить истоки польских концепций истории Руси различного времени, а также преемственность взглядов польских авторов на историю русских земель. Применение сравнительно-исторического метода дало возможность соотнести содержание исследуемых концепций с политическим и социальным контекстом породившей их эпохи, а также выявить общие и особенные черты в подходах к описанию истории средневековой Руси различных польских авторов.

К разряду инновационных методов относится историко-мифологический подход к анализу содержания историографических концепций, разработанный А.Н. Робинсоном, А.С. Мыльниковым, Л.П. Репиной, Р. Бартом, П. Гири, Е. Матерницким, Е. Топольским, А.Ф. Грабским и др. Сущность данного подхода состоит в изучении значения и роли исторических (историографических) мифологем в качестве существенно важного элемента исторической наррации.

Концепт исторического мифа получил широкое признание в отечественной и зарубежной научной литературе конца XX – начала XXI вв.⁸¹ Основанием для включения данной методологической категории в исследовательский инструментарий диссертации является избыточность конъюнктурно обусловленного вымысла в представлениях польских

⁸¹ *Jaskólski M.* Historia i mit historyczny w doktrynie politycznej // *Historika* 14: 1984 ; *Maternicki J.* Mity historyczne, ich geneza, struktura i funkcje społeczne // *Metodologiczne problemy badań nad dziejami myśli historycznej.* Warszawa, 1990 ; *Grabski A.F.* Czy historiografię można uwolnić od mitów? // *Przegląd Humanistyczny.* 1996. № 1; *Topolski J.* Myths in Research into the Past // *Acta Pol. Hist.* 81:2000 ; *Geary P.* The myth of nations: the medieval origins of Europe. Princeton; Oxford, 2002; *Репина Л. П.* Исторические мифы и национальная идентичность: к методологии исследования // *Национальная идентичность в проблемном поле интеллектуальной истории.* Материалы международной научной конференции. Ставрополь; Пятигорск; Москва, 2008 ; *Мыльников А.С.* Мифологемы славянского этногенеза XVI – начала XVIII в. Концептуальный аспект проблемы // *Славяне и их соседи.* Вып. 8: Имперская идея в странах центральной и Юго-Восточной Европы. М., 1998; *Шнирельман В.А.* Ценность прошлого: Этноцентрические исторические мифы, идентичность и этнополитика // *Реальность этнических мифов.* М., 2000 ; *Грыцкевич В.П.* Гісторыя і міфы: [Вучэб. дапаможнік]. Мінск, 2000.

авторов избранной для исследования эпохи об истории средневековой Руси, ставшего причиной существенного искажения исторической действительности.

Под историческим мифом понимается совокупность субъективных представлений о том или ином конкретном историческом феномене (событии, явлении, деятеле, организации, стране, народе и т.п.), которые складываются в вымышленный образ, качественно трансформирующий и/или подменяющий историческую действительность. Создание и поддержание в жизнеспособном состоянии мифологизированных исторических концепций сопряжено при этом с использованием своеобразного «метаязыка», маркирующего определенную систему значимостей, принимаемых не за субъективную систему ценностей, но за объективную систему фактов, конструирующих реальность⁸².

Выявление и изучение мифологем в представлениях профессиональных историков открывает для современных историков историографии широкие исследовательские перспективы, поскольку позволяет соотнести мифологические элементы историографического нарратива, трактуемые в качестве порожденных конкретной эпохой фактов исторического сознания, с актуальной для этой эпохи структурой культурных архетипов и идеологических клише, под влиянием которых данные мифологемы создавались. В результате, исследователь получает возможность выявить причины искажения истории (очевидного с точки зрения объективного наблюдателя) посредством анализа предпосылок этого явления, определяемых приоритетами исторической памяти, специфицированными во времени и пространстве⁸³.

В исторических концепциях, созданных на рубеже Средневековья и Нового времени, в эпоху кризиса провиденциалистской исторической картины мира, мифологический элемент играл принципиально важную роль. Задачей средневековых и ренессансных интеллектуалов являлось не

⁸² Тезис о «метаязыке» заимствован нами из работы французского литературоведа Ролана Барта. См.: *Барт Р. Избранные работы. Семиотика. Поэтика*. М., 1989. С. 63.

⁸³ Апробация данного подхода к изучению исторических представлений посредством категории *исторического мифа* была осуществлена автором диссертации в публикациях и выступлениях на различных научных форумах. См.: *Карнаухов Д. В. Представления об истории Руси и Московии как элемент национальной исторической мифологии ренессансной Польши // Национальная идентичность в проблемном поле интеллектуальной истории ... С. 327-334; Карнаухов Д. В. Исторические мифологемы в историографическом восприятии русско-польских отношений // Перспективы исторического и культурологического образования в вузе и школе: Теория и практика. Новосибирск, 2006. С. 213-224.*

столько объективное описание прошлого, сколько его прославление, создание исторических сочинений, выражавших идеологические потребности возникающего в обществе национального самосознания посредством использования потенциала представлений о прошлом, в которых отражались актуальные общественно-политические и национально-патриотические интересы⁸⁴.

В концепциях истории средневековой Руси, созданных историками старопольской эпохи, особо важна роль мифологем при освещении вопросов этногенеза и ранней этнополитической истории русских земель, поскольку именно здесь явственно ощущался недостаток достоверных исторических свидетельств, что делало неизбежным восполнение информационных лагун вымыслом. Также в немалой степени подвергались мифологизации значимые для поляков события из истории двусторонних польско-русских отношений, поскольку мифологический элемент позволял представить их в выгодном для правящих элитам Польши свете и тем самым успешно решить задачу исторического обоснования актуальной внешнеполитической доктрины польского государства.

Научная новизна данного диссертационного исследования заключается в анализе представлений польских ученых позднего Средневековья и эпохи Возрождения об истории средневековой Руси в двух аспектах: в качестве феномена польской интеллектуальной культуры и инструмента идеологической борьбы.

В качестве достижения интеллектуальной культуры эти представления впервые исследованы в сравнительном ключе: выявлены общие и особенные черты в «русских» фрагментах сочинений разных авторов, проделана работа по определению источников «русских» известий, изучена их структура, определена роль заимствований из источников различного происхождения и авторского вымысла, взаимное влияние представлений различных польских историков.

Как инструмент идеологической борьбы представления польских интеллектуалов об истории Руси впервые были исследованы с учетом обстоятельств трансформации системы международных отношений в Восточной Европе, характеризовавшейся последовательным укреплением внешнеполитических позиций польско-литовского и русского государств, стремившихся посредством исторических аргументов обосновать свое

⁸⁴ Подробнее этот аспект раскрыт в работе А.Н. Робинсона (*Робинсон А.Н. Историография славянского Возрождения и Паисий Хилендарский: Вопросы литературно-исторической типологии.* М., 1963. С. 85).

право на владение западными русскими землями. В диссертации прослеживается эволюция взглядов польских историков разного времени на одни и те же сюжеты русской истории, обусловленная изменением политической обстановки, выявлены причины идеологической ангажированности в представлениях отдельных авторов.

Диссертантом был впервые введен в научный оборот ряд «русских» фрагментов сочинений польских историков, не переведенных на русский язык, проделана работа по их переводу с латинского и польского языков. К таковым можно отнести «русские» известия, содержащиеся в 6-12 книгах латинской хроники Длугоша, а также латинских хрониках Меховия и Кромера, польскоязычных сочинениях Марчина и Иоахима Бельских, Стрыйковского и Гваньини.

Практическая значимость работы состоит в том, что ее материалы и выводы могут послужить дальнейшему изучению проблематики зарубежной исторической *россики*; в частности, одним из перспективных направлений развития научных исследований в данном направлении является продолжение работы по переводу на русский язык и публикации фрагментов польских исторических сочинений, посвященных истории Руси, а также подготовка научного комментария к текстам этих памятников. Произведенный в диссертации анализ концепций польских историков также может быть использован в учебно-образовательных целях в вузовских курсах историографии, историографических специальных курсов и специальных семинаров.

Публикации. Основные положения диссертационного исследования отражены в 37 публикациях общим объемом 51,4 п.л. Из них опубликовано 8 статей в изданиях рекомендованных ВАК России, 2 монографии, 27 статей в сборниках научных статей и материалах научных конференций.

Апробация основных положений диссертации. Диссертация обсуждена и рекомендована к защите на заседании Центра «Историческая наука России» Института российской истории РАН 13 января 2011 г.

В ходе работы над диссертацией апробация отдельных аспектов ее темы была осуществлена в период стажировок автора в польских научно-образовательных центрах, где была предоставлена возможность выступления с научными сообщениями и докладами: Лаборатории вспомогательных исторических дисциплин и издательского дела Института истории Польской академии наук в Варшаве (Pracownia nauk pomocniczych historii oraz edytorstwa IH PAN) в 2003, 2005 и 2007 гг.,

Секторе вспомогательных исторических дисциплин и методологии истории Исторического института Варшавского университета (Zakład Nauk Pomocniczych i Metodologii Historii IH UW) в 2006, 2008 и 2010 гг., Центре изучения античной традиции в Центральной и Восточной Европе Института междисциплинарных исследований *Artes Liberales* Варшавского университета (Ośrodek badań nad tradycją antyczną w Europie Środkowo-Wschodniej IBI AL UW) в 2009 г.

Основные положения диссертации были изложены автором в докладах на международных и всероссийских научных конференциях, проводившихся в Москве⁸⁵, Варшаве⁸⁶, Новосибирске⁸⁷, Волгограде⁸⁸, Пятигорске⁸⁹, Нижневартовске⁹⁰ и Иркутске⁹¹.

Результаты исследования использовались автором в преподавательской работе в университетах России и Польши по дисциплинам «Историография» (Новосибирский государственный педагогический университет, 2007-2010), «Мифологемы в историографии» (Новосибирский государственный педагогический университет, 2008-2010), «Исторический элемент обоснования внешнеполитических доктрин стран Европы» (Новосибир-

⁸⁵ XIII Международная научная конференция «Вспомогательные исторические дисциплины: Специальные функции и гуманитарные перспективы» (Москва, 2001); XXV Международная научная конференция памяти В.Д. Королюка «Славяне и их соседи: Предания и мифы о происхождении власти эпохи Средневековья и раннего Нового времени» (Москва, 2010).

⁸⁶ Международная научная конференция «350-lecie Unii Hadziackiej» / «350-летие Гадячской унии» (Варшава, 2008); Международная научная конференция «Z dziejów gwałtowności Rzeczypospolitej Obojga Narodów z Państwem Moskiewskim XVI-XVII wiek» / «Из истории противоборства Речи Посполитой обоих народов с Московским государством в XVI – XVII вв. (Варшава, 2010); Международная научная конференция «Symboliczne i realne podstawy tożsamości społecznej w Średniowieczu» / «Символические и реальные основания общественной идентичности в Средневековье» (Варшава, 2011).

⁸⁷ Всероссийская научно-практическая конференция «Пишем времена и случаи» (Новосибирск, 2008); Всероссийская научно-практическая конференция с международным участием «Образы России, ее регионов в историческом и образовательном пространстве» (Новосибирск, 2010).

⁸⁸ IV международные научные исторические чтения памяти проф. В.А. Козюченко «Историческое знание в системе политики и культуры» (Волгоград, 2005).

⁸⁹ Международная научная конференция «Национальная идентичность в проблемном поле интеллектуальной истории» (Пятигорск, 2008); Международная научная конференция «Историческая память, власть и дисциплинарная история» (Пятигорск, 2010).

⁹⁰ VI, VII, VIII Всероссийские научные конференции «История идей и история общества» (Нижневартовск, 2007, 2008, 2009).

⁹¹ Международный научный симпозиум «Полонии в Сибири, России и в мире: проблемы изучения» (Иркутск, 2004).

ский государственный технический университет, 2008-2010), «Idea i mit Rusi w kronikarstwie polskim okresie Renesansu» / «Идея и миф Руси в польской хронографии эпохи Возрождения» (Варшавский университет, 2011), «Europa a Ruś w XV – XVI w. Studium osmozy kulturowej» / «Европа и Русь в XV – XVI вв. Изучение взаимного проникновения культур» (Варшавский университет, 2011).

Структура диссертации обусловлена характером решаемых в работе задач и внутренней логикой исследования. Работа состоит из введения, трех глав, включающих одиннадцать параграфов, заключения, списка использованной литературы и источников. Объем диссертации составляет 604 страницы.

ОСНОВНОЕ СОДЕРЖАНИЕ РАБОТЫ

Введение включает в себя обоснование актуальности темы и новизны работы, определение объекта, предмета, хронологических границ исследования, его целей и задач, изложение использованных в нем теоретико-методологических подходов, анализ истории изучения рассматриваемой проблематики и характеристику источниковой базы диссертации.

В первой главе – «Представления об истории средневековой Руси польских историков конца XV – начала XVII вв. как предмет историографических исследований» – дана общая характеристика польской исторической мысли в избранных хронологических рамках, изучены источники и структура известий об истории средневековой Руси, содержащихся в сочинениях Яна Длугоша, Матвея Меховия, Мартина Кромера, Александра Гваньини, Марчина Бельского, Иоахима Бельского, Мачея Стрыйковского и ряда других авторов, а также обобщен опыт изучения историографических достижений вышеупомянутых авторов, в том числе их представлений об истории русских земель, отечественными и зарубежными учеными нового и новейшего времени. Первая глава состоит из четырех параграфов.

В первом параграфе первой главы «Историческая мысль Польши конца XV – начала XVII вв. в историографических исследованиях нового и новейшего времени» дается характеристика важнейшим польским сочинениям исторической тематики предренессансной и ренессансной эпох, рассматривается политический и культурный контекст их создания, биографии авторов, а также обобщаются результаты исследований

данной традиции исторических представлений учеными XVIII – начала XXI вв.

Наиболее значимым авторским историографическим «проектом» предренессансной эпохи была латиноязычная рукописная хроника Яна Длугоша (1480), представлявшая собой хронологически последовательное описание истории Польши, но вместе с тем включавшая свидетельства о сопредельных с ней странах, которые были подчинены логике изложения польской истории. Изучению хроники Длугоша посвящены работы А. Семковича, М. Бобжыньского, С. Смольки, Я. Домбровского, Х. Барыча, Ю. Мрукувны, У. Борковской, С. Гжыбовского, М. Плежи и др. Достоинствами этого сочинения как правило признавались его внутренняя эвристическая ценность и содержательная полнота, масштабность охвата исторического материала, а также широта эрудиции автора. К числу изъянов историографического метода Длугоша было принято относить произвольность в трактовке исторических событий, «избрание некритических средств для примирения противоречий», пристрастность в оценках, обусловленную политическими предпочтениями (приверженностью католической идеологии и полоноцентризму), а также стремление спроецировать на прошлое модели политических и культурных отношений, характерных для современной ему эпохи.

Ближайшим последователем Длугоша был польский ученый-гуманист Матвей Меховий – автор *Трактата о двух Сарматиях* (*Tractatus de duabus Sarmatiis*; 1517), содержавшего краткие очерки истории стран Восточной Европы, и *Польской хроники* (*Chronica Polonorum*; ред. 1519, 1521), которая представляла собой выборочную компиляцию сочинения Длугоша. Оба эти сочинения были опубликованы, благодаря чему получили широкую известность. Исследованию исторических трудов Меховия посвящены работы А. Божемского, С.А. Аннинского, Х. Барыча, Л. Базылева, А. Джюбы. Эти ученые отмечали в историографическом методе Меховия как средневековые, так и ренессансные черты, склонны были видеть в нем «предтечу» ренессансной историографии, считали заслугой этого историка стремление перенести на почву польской исторической прозы прогрессивные идеи и методы, характерные для европейской гуманистической историографии. Как самостоятельное, новаторское произведение оценивался лишь *Трактат о двух Сарматиях*. *Польская хроника* характеризовалась как произведение слабое не только с научной, но и литературной точки зрения. Вместе с тем подчеркивалось, что ее публикация способствовала популяризации сочинения Длугоша, а

также послужила «пособием для более способных последователей», став для них «сценарием» гуманистической хроники.

Историческим сочинением полностью отвечавшим стандартам гуманистической историографии была хроника выдающегося польского ученого, дипломата и религиозного деятеля Мартина Кромера *О происхождении и деяниях поляков* (*De origine et rebus gestis Polonorum*; ред. 1555, 1558, 1568, 1582, 1589). Этот труд получил широкое распространение за пределами Польши, неоднократно переиздавался в Швейцарии и Германии, а также был опубликован в переводах с латыни на немецкий и польский языки. Изучению хроники Кромера посвящены работы Ц. Валецкого, Л. Финкеля, Х. Барыча, С. Заблоцкого, С. Гжыбовского и Ю. Раджишевской. Эти исследователи высоко оценивали литературный стиль Кромера и его исторический метод, но в то же время признавали, что его труд не отличался содержательной новизной (большая часть материала была заимствована из сочинения Длугоша). В заслугу Кромеру ставилось превосходное владение изящной классической латынью, подчеркивался объективизм в подходе к описанию прошлого, способность к упорядочиванию материала в соответствии с избранными критериями, объединение «прагматической связью» разрозненных описаний событий, заимствованных у более ранних историков, а также сознательное применение научных методов в историографии, которая современниками нередко воспринималась как один из жанров художественной литературы.

Наряду с хроникой Кромера популяризации истории стран Восточной Европы за границами Польши послужило латиноязычное *Описание Европейской Сарматии* (*Sarmatiae Europaeae Descriptio*; ред. 1578, 1581), представлявшее собой подборку историко-географических трактатов, посвященных Польше, Литве, Московии, Татарии, Ливонии и Пруссии, которая была существенно расширена в польскоязычной редакции этого труда – *Хронике Европейской Сарматии* (*Kronika Sarmacyeу Europejskieу*; 1611). «Титульным» автором этих сочинений был натурализовавшийся в Польше итальянец Александр Гваньини, чье авторское право на данный труд оспаривалось Мачеем Стрыйковским (латинская редакция) и Марчином Пашковским (польская редакция). Исследованию сочинений Гваньини посвящены работы А. Бернацкого, В. Будки, Ю. Раджишевской, Я. Юркевича, З. Войтковяка, Н.П. Ковальского, О. Дячка, Ю. Мыщыка, Г.Г. Козловой. Эти ученые указывали на избыточно компилятивный характер сочинений Гваньини, отмечая заимствование им как опублико-

ванных, так и неопубликованных материалов Стрыйковского и других авторов. Вместе с тем далеко не все исследователи готовы были признать такое заимствование прямым плагиатом, обратив внимание на различия в стиле и подходе к изложению материала в трудах Гваньини и его предшественников. В частности, в качестве основного достоинства упомянутого подхода итальянского автора современный польский ученый Я. Юркевич склонен считать проведенную Гваньини «работу энциклопедиста и популяризатора науки», предполагавшую сжатие объемных массивов информации, их изложение в формате кратких очерков, приемлемых для западноевропейского читателя.

Во второй половине XVI в. широкое распространение в Польше получили также исторические труды создававшиеся на национальном языке. Первым оригинальным (непереводным) польскоязычным историческим сочинением была *Хроника всего света* (*Kronika wszytku swyata*; ред. 1551, 1554, 1564), в основу которой было положено описание древней и средневековой истории человечества, дополненное очерками истории Польши и других стран мира. Автором этого сочинения был Марчин Бельский – симпатизировавший протестантизму историк-самоучка. Его имя значилось также на титульном листе *Польской хроники* (*Kronika Polska*; 1597), представлявшей собой существенно расширенную версию очерка истории Польши *Хроники всего света*. Однако вопрос авторства этого произведения спорен, поскольку значительный вклад в его создание внес сын Марчина Бельского – Иоахим, именовавший себя «издателем» труда отца. Изучению сочинений Марчина и Иоахима Бельских посвящены работы В.А. Мачейовского, И. Хжановского, В. Неринга, Д. Щнежко, М. Королько. В них сочинения Бельского оцениваются двояко. С одной стороны, *Хроника всего света* по сравнению с выдающимися историческими трудами эпохи Возрождения характеризовалась как пережиток средневековой компилятивной историографии и труд, лишенный всякого исторического критицизма, свидетельствовавший об отставании гуманитарного знания Польши (И. Хжановский). С другой стороны, исследователями отмечалось огромное дидактическое значение созданного на национальном языке описания всеобщей истории в ее популярной версии, которая оказалась востребованной в более широких (нежели «гуманистические элиты») кругах польского общества (Д. Щнежко). К гуманистическим чертам сочинения М. Бельского также были отнесены обусловленные конфессиональной ориентацией этого автора «смелость и отважность» в оценках

исторических событий, критических замечаниях, несвойственных польским историкам эпохи Возрождения, ориентированным на консервативные католические ценности (М. Королько).

Наряду с Бельскими польский язык для написания исторических сочинений использовал также Мачей Стрыйковский. Наибольший интерес представляют три сочинения этого автора: рифмованная историческая повесть *Посланник добродетели* (*Goniec Snothy*; 1574), сохранившаяся в рукописной форме стихотворная историческая поэма *О началах, происхождении, доблестях рыцарских и гражданских деяниях славного народа литовского, жемойдского и русского* (*O początkach, wywodach, dzielnościach, sprawach rycerskich i domowych sławnego narodu litewskiego, żemojdzkiego i ruskiego*), а также *Хроника Польская, Литовская, Жмудская и всей Руси* (*Kronika Polska, Litewska, Zmodska i wszystkiej Rusi*; 1582). Изучению сочинений Стрыйковского посвящены работы М. Малиновского, Й. Островского, Ю. Раджишевской, Ю. Бардаха, З. Войтковяка, А.И. Рогова, Л.Л. Михаловской и др. Исследователи отмечали в качестве существенных недостатков исторического метода Стрыйковского отсутствие у этого автора «историографических навыков», а также его некритическое отношение к источникам. Положительно оценивалось стремление Стрыйковского описать прошлое регионов Восточной Европы, «показать историю трех народов – польского, русского и литовского – в их неразрывной связи» (А.И. Рогов). Также в заслугу Стрыйковскому ставилась проведенная им огромная работа по сбору и сопоставлению источников различных типов и различного происхождения.

Во втором параграфе первой главы *«Источники представлений польских историков конца XV – начала XVII вв. об истории русских земель»* проводится исследование исторических памятников различного происхождения, из которых польскими авторами заимствовались свидетельства о прошлом Руси. Выделено четыре группы таких источников.

К первой группе отнесены (пара)библейские памятники, а также труды авторов античности и раннего средневековья. Эти источники польскими ренессансными историками использовались преимущественно для обоснования концепций этногенеза восточных славян, производивших «русов» и «москвитов» от прославленных народов древности посредством сопряжения их этнонимов и указания на общность ареалов расселения. Среди библейских и парабиблейских источников предпочте-

ние отдавалось книгам Ветхого Завета, содержащим описание родословия библейских героев, чьи имена были созвучны этнонимам восточнославянских народов, а также сочинениям их толкователей и «продолжателей» разного времени – Иосифа Флавия, Бероса, Евсевия Кесарийского, Симмаха, св. Иеронима, Исидора Севильского и др. Среди памятников античности и раннего средневековья для решения вышеупомянутой задачи чаще всего использовались сочинения Страбона, Птолемея, Плиния, Тацита, Помпония Мелы, Прокопия Кесарийского и ряда других авторов.

Ко второй группе источников «русских» известий польских авторов отнесены восточнославянские летописные памятники. В наибольшей степени они были использованы Длугошем и Стрыйковским, которые владели русским языком и имели возможность непосредственно познакомиться с летописями. Наибольший вклад в изучение проблемы летописных источников хроники Длугоша внесли К.Н. Бестужев-Рюмин, А. Семкович, А.А. Шахматов, Е. Перфецкий, М.Н. Тихомиров, Ю.А. Лимонов, Ф. Щелицкий, Б.М. Клосс и др. Предполагаемым летописным источником Длугоша эти исследователи были склонны считать не сохранившийся до нашего времени памятник западнорусского происхождения (так называемую «галичскую» или «перемышльскую» летопись), включавшую как летописные известия, находившие соответствия в иных восточнославянских сводах, так и свидетельства другими летописями не подтверждающиеся. Вопрос летописных источников Стрыйковского был изучен в работах И. Даниловича, Т. Нарбута, И.А. Тихомирова, Н.Н. Улащика и А.И. Рогова. Проведенные этими учеными исследования позволили реконструировать гипотетический летописный источник Стрыйковского, которым был признан также не сохранившийся до нашего времени памятник литовско-русского происхождения, впоследствии послуживший основой для создания так называемой «хроники» Быховца, Евреиновской, Румянцевской, Ольшевской летописей, а также списков Рачиньского и Красинского.

Третью группу источников представлений польских историков об истории русских земель составляют польские средневековые хроники и анналы (рочники). Эти памятники содержали отрывочные и несистематизированные свидетельства о взаимоотношениях Польши и Руси, главным образом о войнах и брачных союзах польских и русских княжеских домов. Наиболее важными польскими источниками были Рочники краковского капитула, Рочник Свентокшиский и Рочник Траски, а также

ряд хроник, среди которых выделяются сочинения Галла Анонима (начало XII в.), магистра Винцентия Кадлубка (начало XIII в.), анонимная Великопольская хроника (доведена до конца XIII в.), а также хроника Янка из Чарнкова (конец XIV в.).

К четвертой группе источников «русских» и «московских» известий польских авторов отнесены сочинения, не имеющие отношения ни к польской, ни к восточнославянско-литовской традициям – а именно памятники византийского происхождения (хроника Иоанна Зонары), свидетельства средневековых западноевропейских анналистов (Сигиберта, Гельмольда, Лиудпранда, Ламперта «Шафнабургского»), а также авторитетные ученые труды по истории восточнославянских земель, созданные в эпоху Возрождения, среди которых наиболее информативны были *Записки о Московитских делах* Сигизмунда Герберштейна. Эти источники имели для польских ренессансных историков важное значение по двум причинам. С одной стороны, они позволяли верифицировать сведения полученные из других видов источников. С другой стороны, ссылки на свидетельства европейских авторов придавали польским историческим сочинениям солидности, демонстрировали эрудицию их авторов, что должно было способствовать признанию достижений польских историков за рубежом.

В третьем параграфе первой главы «Структура “русских” и “московских” известий в трудах польских историков конца XV – начала XVII вв.» рассматриваются особенности изложения истории средневековых русских земель в трудах Длугоша, Меховия, Кромера, Бельских, Стрыйковского и Гваньини.

В хронике Длугоша исторический материал изложен в хронологическом порядке разделен на 12 книг, «погодные» статьи и нумерованные главы, каждая из которых имела уникальный развернутый заголовок-аннотацию, отражавший ее содержание. «Русские» известия представлены почти во всех книгах сочинения Длугоша. Они заимствовались преимущественно из восточнославянских летописей (свидетельства о внутривосточной истории Руси) и польских средневековых хроник (свидетельства о польско-русских отношениях). Описанию истории русских земель как правило посвящались самостоятельные главы, которые при этом включались в состав «погодных» статей, ориентированных на описание польской истории. Эта особенность изложения нередко приводила к путанице в датировке «русских» известий (отмечается множество разночтений с хронологией летописных памятников).

Трактат о двух Сарматиях Меховия не содержал полноценного очерка истории русских земель, в него были включены лишь отдельные известия, посвященные татарскому завоеванию Руси, а также краткий очерк истории русских провинций Польши и Великого княжества Литовского, в котором акцент был сделан на обстоятельствах подчинения восточнославянских княжеств этим государствам. Великое княжество Московское в этом сочинении исторически не связывается с «Руссией» и его описанию посвящен отдельный раздел, который вовсе не содержал исторического очерка. «Русские» известия в *Польской хронике* Меховия представляли собой выдержки из сочинения Длугоша. Меховий отказался от анналистического подхода к описанию истории, предполагавшего изложение в одной погодной статье свидетельств о событиях различного характера, и сконцентрировал «русские» известия из нескольких погодных статей хроники Длугоша в «тематических» главах. В результате, из 190 глав хроники Меховия около 20 были полностью или частично посвящены описанию определенных периодов истории русских земель и польско-русских отношений. Такая компоновка материала существенно облегчила читателям этого сочинения понимание специфики исторического развития Руси.

В хронике Кромера «русские» фрагменты маркированы «тематическими» выносными глоссами, но в отдельные главы или очерки эти известия не сведены. Источниками представлений этого историка об истории русских земель были сочинения Длугоша и Ваповского (автор рукописной хроники 1535 г., значительная часть которой была утеряна), а также трактат Герберштейна, на свидетельствах которого основаны «московские» известия Кромера.

М. Бельским свидетельства по истории русских земель были включены в два раздела *Хроники всего света*: очерк истории Польши, представлявший собой краткую выборку известий Меховия, и книгу «О народе Московском или Русском» (включена только в состав редакции 1564 г.), которая была целиком основана на материалах трактата Герберштейна.

И. Бельский при подготовке к публикации *Польской хроники* взял за основу «русские» фрагменты очерка истории Польши своего отца, однако дополнил их реляциями, заимствованными главным образом из хроники Кромера, а также привлек свидетельства из сочинений Длугоша и Стрыйковского. При этом структура «русских» известий интегрированных в описание истории Польши в обеих хрониках остается неизменной:

И.Бельский ориентируется на шаблоны и клише своих предшественников.

В сочинениях Стрыйковского прошлое Польши, Руси и Литвы описывается «раздельно», очерки истории этих трех стран сведены в самостоятельные книги. «Русским» событиям Стрыйковский посвящает 4, 5 и 6-ю книги, привлекает в качестве источников летописные памятники, трактат Герберштейна и польские хроники (во фрагментах посвященных польско-русским отношениям). В этих трех книгах подробнейшим образом описана русская история с древнейших времен до начала XIII в. В последующих книгах Стрыйковский в основном рассматривает историю русских земель в очерках истории Литвы и Польши. Важно отметить то обстоятельство, что поэма *О началах*, созданная раньше хроники и являвшаяся ее прототипом, содержала лишь второй элемент (описание эпохи экспансии Польши и Литвы на Русь). Эта особенность свидетельствует об эволюции замысла Стрыйковского, отражает его стремление показать роль в региональной истории не только «титულных» народов – поляков и литовцев – но и лишенных ими суверенитета русских. «Московские» известия в сочинениях Стрыйковского (заимствованы из трактата Герберштейна) хотя и не удостоены отдельных глав, однако гораздо информативнее реляций его предшественников.

«Русские» известия в сочинениях Гваньини были структурированы по разному. *Описание Европейской Сарматии* вовсе не содержало «русского» раздела – фрагментарные свидетельства об истории Руси были представлены в описаниях Польши (источником служила хроника Кромера) и Великого княжества Литовского (здесь Гваньини судя по всему использовал неопубликованные материалы Стрыйковского). В составе *Хроники Европейской Сарматии* известия по истории славянского востока были собраны в самостоятельном разделе – «Хронике Русской земли», которая содержала описание ранней этнополитической истории Руси и очерк развития русской государственности в удельный период, заимствованные из *Польской хроники* И. Бельского, а также включала краткие историко-географические очерки посвященные русским провинциям Польши и Великого княжества Литовского, перенесенные из *Описания Европейской Сарматии*. «Московские» известия в сочинениях Гваньини лаконичны, преимущественно излагается история завоевания (присоединения) московскими князьями тех или иных земель и связанных с ним московско-литовско-польских пограничных войн конца XV – начала XVI вв. Главным источником «московских» известий Гваньини

были трактат Герберштейна и хроника Кромера, извлечения из которых, вполне вероятно, могли быть использованы как напрямую, так и при посредничестве материалов Стрыйковского.

В четвертом параграфе первой главы «Концепции истории средневековой Руси польских историков конца XV – начала XVII вв. в отечественной и зарубежной историографии» обобщен опыт изучения польской исторической *россики* предренессансной и ренессансной эпох учеными нового и новейшего времени.

Как особый феномен в истории исторической мысли этих эпох комплекс представлений зарубежных интеллектуалов об отечественной истории был изучен в работах Г.К. Лукомского, М.А. Алпатова, О.Ф. Кудрявцева и др. Этими авторами были выявлены причины и отличительные черты интереса иностранцев к прошлому Руси, указано на специфику восприятия русской истории представителями различных стран. Потенциал польской исторической *россики* для формирования и распространения знаний о русской истории оценивался достаточно высоко, в связи с тем, что «Польша служила теми воротами, через которые чаще всего западное влияние достигало России» и через посредничество польской хронографии заметно сказывалось на русской исторической литературе. Концепции истории средневековой Руси отдельных польских авторов конца XV – начала XVII вв. были изучены в работах ученых Российской империи, СССР, постсоветских стран и Польши.

Отдельным аспектам представлений Длугоша об истории Руси были посвящены исследования Ю.А. Лимонова, Б.Н. Флори, А.Л. Хорошкевич, Н.И. Щавелевой, Е. Клочовского, А. Гейштора, С. Гавласа, А. Кияса, А.А. Семянчук и др. Концепция русской истории Длугоша в историографии рассматривалась как кульминация «историографической актуализации Руси», обусловленная ее вхождением в состав Польши и Литвы (А. Гейштор), в качестве явления, порожденного особым политическим и историческим сознанием польских элит, воспринимавших русские земли как покоренные территории, а также важной составляющей экспансионистской внешнеполитической программы господствующего класса польского государства (Б.Н. Флоря). Негативные черты «длугошевого» образа русской истории и «стереотипа русского соседа» в научной литературе объяснялись прежде всего, культурно-религиозными различиями двух народов и постоянными конфликтами, обострявшими двусторонние польско-русские отношения.

В работах С.А. Аннинского, Б. Грекова, Ю.А. Лимонова и Л. Базылева были изучены отдельные аспекты представлений Меховия об истории русских земель. *Трактат о двух Сарматиях* рассматривался этими авторами как сочинение, отразившее реакцию на рост могущества Москвы политических и интеллектуальных элит Польши, стремившихся исторически обосновать принадлежность Руси Литве и Польше, обратить внимание Европы на Польшу и ее столкновение с могущественным восточным соседом. «Русские» фрагменты *Польской хроники* не вызвали у исследователей интереса ввиду их полной зависимости от труда Длугоша.

К изучению «русских» известий Кромера в рамках специальных работ исследователи вплоть до настоящего времени практически не обращались. Свидетельства этого автора рассматривались, как правило, в качестве источника формирования знаний об истории Руси других польских авторов – Бельских, Стрыйковского и Гваньини. Представления Кромера о русской истории в качестве фактора развития русско-польских отношений были изучены Б. Н. Флорей. По мнению этого исследователя, именно в сочинении Кромера важное место заняли вопросы истории возникновения Московского государства и соотношения между «московским» народом и народом «русским», что свидетельствовало о «смещении сферы интересов польской правящей элиты на Восток», «солидаризации с литовской внешнеполитической программой» и, в конечном итоге, преследовало цель ее историко-правового обоснования под влиянием угрозы, порожденной «деятельностью великорусского политического центра».

Отдельные аспекты освещения истории Руси и Московии в сочинениях Марчина и Иоахима Бельских привлекли внимание С. Пташицкого, А. И. Соболевского, И. Хржановского, Е. В. Чистяковой, А. И. Рогова, Ю. А. Мыцыка, Н. А. Казаковой, О. В. Творогова и др. Отечественные ученые проявили интерес прежде всего к *Хронике всего света*, поскольку это сочинение оказало большое влияние на московскую и западнорусскую (украинскую) книжность второй половины XVI–XVII вв., осуществлявшееся через посредничество ее русских и западнорусских переводов. Отмечалось также, что в подходе М.Бельского к оценке истории Руси «нет никакой вражды и неприязни к России.., проявляется симпатия к ней, смягчаются слишком резкие отзывы и оценки по сравнению с источниками, которыми пользовался Бельский» (А.И. Рогов).

«Русские» известия Стрыйковского изучались как учеными восточнославянских стран (А.И. Рогов, Н.Н. Улащик, А.А. Семянчук, К.Ю. Ерусалимский), так и Польши (Ю. Бардах, Ю. Раджишевская, З. Войтковяк). Представители этих двух школ были солидарны в оценке подхода Стрыйковского как «неполоноцентристского» взгляда на историю славянского востока, но при этом расходились в оценках степени и характера идеологической ангажированности этого автора. Отечественные исследователи в своих работах как правило были склонны оценивать созданную Стрыйковским концепцию истории Руси как яркий пример дружественных русско-польских культурных связей, отмечали наличие выраженных «русофильских» и «славянофильских» мотивов, а также подчеркивали его «восхищение» русской историей (А.И. Рогов). Польские ученые, напротив, не склонны были переоценивать русофилию Стрыйковского и широту его взглядов, акцентировали прежде всего приверженность этого автора «унийной» идее, характеризовали его как патриота Литвы и лишь тех русских земель, которые входили в состав Речи Посполитой (Ю. Бардах).

Научный интерес к «русским» и «московским» известиям Гваньини был вызван наличием в его сочинениях «тематических» восточнославянских разделов, а также тем огромным влиянием, которое польская редакция его труда оказала на развитие восточнославянской книжности XVII в. *Хроника Европейской Сарматии* Гваньини в качестве источника по истории Украины была исследована в трудах ученых днепропетровской школы Н.П. Ковальского и О.А. Дячка. Вопрос рецепции этого сочинения на восточнославянских землях затрагивался в работах А.И. Соболевского, Е.В. Чистяковой и Ф. Щелицкого. В немалой степени активизации исследований восточнославянских фрагментов сочинений Гваньини способствовала работа над переводами его сочинений на русский и украинский языки Г.Г. Козловой и Ю.А. Мыцыка.

Вторая глава - «Концепции этнокультурной и политической истории средневековой Руси в польской хронографии конца XV – начала XVII вв.» – состоит из трех параграфов и посвящена исследованию представлений польских авторов о наиболее важных проблемах этнокультурной и политической истории русских земель: вопросах происхождения восточных славян, зарождения и эволюции русской государственности, истории христианизации Руси.

В первом параграфе второй главы *«Дискуссии о происхождения и этнической номинации восточных славян»* рассматриваются этногенетические и этнонимические гипотезы и концепции польских интеллектуалов предренессансной и ренессансной эпох, позволявшие определить место рутенов / руссов и московитов, которые рассматривались как самостоятельные народы, в генеалогии народов мира и славянских народов.

Природа и функции этногенетических представлений, складывавшихся на донаучном и ранненаучном этапах развития исторической мысли, были изучены в работах отечественных и зарубежных исследователей А.Н. Робинсона, А.С. Мыльникова, Я.С. Быстроня, Л. Лечейевича и др. По их заключению, в эпоху Средневековья и Ренессанса, в условиях дефицита достоверных сведений о ранней этнической истории народов, именно такие представления использовались просвещенными элитами в качестве важного инструмента формирования этнического сознания, поскольку позволяли создать вымышленную действительность посредством апелляции к потенциалу библейской и античной традиций исторических представлений, сконструировать прошлое исходя из актуальных приоритетов развития того или иного этнополитического сообщества (в данном случае польско-литовского союза, трансформировавшегося в Речь Посполитую).

Вопросы номинации и происхождения восточных славян были актуальны для польских интеллектуалов в силу тесного культурного и политического взаимодействия поляков, русских и московитов в эпоху коренной геополитической трансформации, произошедшей в Восточной Европе на рубеже Средневековья и Нового времени.

Этнонимы восточных славян, разделявшихся польскими историками на два «политических» народа руссов и московитов, чаще всего сопрягались с наименованиями прославленных народов древности. Этноним «руссы» производился от имени сарматского племени роксолан, а этноним «московиты» либо от имени древнего народа мосхов/мосхинов/модоков (Кромер, Гваньини), либо связывался с ветхозаветным Мосохом (М. Бельский, Стрыйковский). Оба варианта объяснения номинации восточных славян были тесно связаны с этногенетическими концепциями польских историков, в числе которых наибольшее распространение получили «сарматская» и «мосохова» гипотезы.

«Сарматская» гипотеза, впервые выдвинутая Меховием, поддерживалась его последователями и наиболее аргументировано была обоснова-

на в хронике Кромера. Она связывала народ руссов и произошедших от них славян через посредничество племени роксолан с ветхозаветным Асармотом / Сарматой, что позволяло включить славянские народы в библейскую генеалогию, связать их с родом ветхозаветного Сима. «Мосохова» гипотеза, была впервые выдвинута М. Бельским, но в развернутом виде была представлена лишь в хронике Стрыйковского. Она называла прародителем всех славян эпонима москвитов внука Ноя Мосоха. Таким образом русский и московский народы включались в разные генеалогии, что усиливало политически ангажированный тезис их «инородности» друг другу, прямо противоречивший факту эмпирически осязаемой этнокультурной близости этих двух восточнославянских этнополитических общностей. Данное противоречие было осознано Кромером и Стрыйковским, в трудах которых была предпринята попытка согласования «сарматской» и «мосоховой» гипотез.

Во втором параграфе второй главы *«Представления об истоках и эволюции государственности средневековой Руси»* рассматриваются идеологически ангажированные концепции политической истории русских земель, позволявшие читателю польских исторических сочинений понять причины возвышения и упадка некогда могущественной Киевской державы, а также разобраться в структуре организации политической власти возникших после ее распада удельных русских княжеств. Польский исторический образ восточнославянской государственности был четко разделен на «русский» и «московский» сегменты.

«Русский» сегмент включал авторские интерпретации заимствованных из летописных памятников известий о наиболее важных политических достижениях русских князей, междоусобных войнах за обладание киевским престолом, а также принципах организации государственной власти на Руси (вопросы престолонаследия, организации родовой иерархии, особенности политической культуры), относившихся к эпохе существования единой Киевской державы, а также унаследовавших ее политические традиции удельных княжеств. Интерес к их истории был обусловлен прежде всего включением этой части Руси в состав Польши и Литвы.

Своего рода дискриминационное «клише» восприятия политических традиций Руси было создано Длугошем, который пытался доказать польское происхождение киевской государственности, а в дальнейшем всячески подчеркивал неспособность русских к самостоятельному управлению государством, чем оправдывал экспансию Польши на Русь.

Русские князья изображаются этим историком как слабые правители, нередко наделяются негативными характеристиками. Эта традиция была унаследована некоторыми последователями Длугоша (Меховий, Кромер), которые воспроизвели в своих сочинениях его концепцию политической истории Руси.

«Московский» сегмент польского историографического образа восточнославянской государственности предполагал осмысление принципиально иной модели политической организации, главной задачей создания которой была консолидация восточных славян вокруг нового мощного центра. Следует отметить неоднозначность исторического образа Московии в польской историографии. С одной стороны, Московское государство характеризовалась польскими историками как некое политическое «новообразование», не связанное с традициями русской государственности. Такой подход был характерен для Длугоша, Меховия, а также отчасти Кромера и Гваньини. Он во многом был обусловлен конъюнктурным восприятием роли Москвы в региональных международных отношениях как периферийной державы, стремившейся расширить сферу своего влияния. С другой стороны, под влиянием трактата Герберштейна широкое распространение получила иная трактовка московской истории, которая нашла отражение в хрониках М. Бельского и Стрыйковского, рассматривавших московское государство в качестве преемника и продолжателя многовековых политических традиций восточнославянской государственности и прежде всего Киевской Руси.

В третьем параграфе второй главы «Свидетельства о христианизации Руси» рассматриваются свидетельства польских историков об обстоятельствах принятия Киевской державой христианского вероучения при посредничестве Византии. Интерес польских историков к данному вопросу объясняется особой ролью христианской культурной традиции для интеллектуальной культуры средневековой и ренессансной Европы, а также конфессиональной самобытностью восточных славян, обусловленной принятием христианства по греческому образцу. В связи с этим свидетельства о посредничестве греков в крещении Руси позволяли объяснить причины культурно-религиозной дифференциации христианских народов Восточной Европы, а также указывали на связь русской религиозной традиции с цивилизационным наследием Византии.

Наиболее содержательные фрагменты, посвященные крещению Руси, представлены в хрониках Длугоша, Кромера и Стрыйковского, которые оценивают это событие по разному. Данный сюжет позволяет

каждому из вышеупомянутых польских авторов выразить свое отношение к христианской традиции. Длугош выступает с позиции христианского космополитизма, трактует принятие русскими от греков вероучения как прогрессивное событие, позволившее избавить Русь от язычества. Кромер в большей степени склонен оценивать его с прокатолических позиций и сожалеет о недостаточном внимании к русским землям со стороны миссионеров с Запада, которое этот автор считает причиной их потери для «латинской» церкви. Стрыйковский, который не был ангажирован идеологией католицизма, придерживается более широкого взгляда на вопрос христианизации Руси: он солидаризуется с позицией своего источника – русской летописи, при этом не только подробно пересказывает факты, но и передает все идеологические акценты характерные для православных книжников.

Третья глава – «Вопросы истории международных отношений русских земель в трудах польских историков конца XV – начала XVII вв.» – состоит из четырех параграфов и посвящена выявлению особенностей освещения в польской литературе исторической тематики проблематики взаимоотношений русских средневековых княжеств с их ключевыми внешнеполитическими партнерами – Византией, Польшей, Литвой, печенегам, половцами, татарами, а также другими странами и народами Восточной Европы.

В первом параграфе третьей главы «Русско-византийские военно-политические отношения X–XI вв.» показаны особенности освещения в польских исторических сочинениях конца XV – начала XVII вв. взаимоотношений Киевской Руси и Византийской империи. Византия характеризовалась в качестве главного внешнеполитического соперника Киевской державы. О русско-византийских военных столкновениях свидетельствовали Длугош, Меховий и Кромер, однако наиболее содержательные свидетельства об истории военного противостояния Руси и Византии представлены в хронике Стрыйковского. Для освещения этого вопроса польскими историками был привлечен широкий спектр источников – материалы русского летописания, византийская хроника Иоанна Зонары, а также сочинения западноевропейских авторов Сигиберта и Лиудпранда.

Самые первые русско-византийские конфликты описывает только Стрыйковский: со ссылкой на летописи он свидетельствует о об осаде Царьграда «потомками Кия» Аскольдом и Диром, а также «греческих» походах Олега и Игоря. Предшественники этого историка были

осведомлены лишь о войнах с Византией Святослава и сына кн. Ярослава Владимира. В описаниях русско-византийских конфликтов обнаруживается немало неточностей и ошибок, которые являются следствием некорректной интерпретации польскими авторами свидетельств использованных ими источников, путаницы в датах и именах участников событий. В результате, обстоятельства, относившиеся к войнам X в. «переносятся» на описания походов более позднего времени (например, свидетельство Сигиберта о походе Игоря, «отнесено» в сочинениях Меховия и Стрыйковского к походу Владимира Ярославича из-за путаницы в именах византийских императоров).

Во втором параграфе третьей главы «*Взаимоотношения средневековой Руси с нехристианскими народами Восточной Европы*» представлены результаты осмысления в польской хронографии опыта политических и культурных контактов русских земель с народами не входившими в христианский цивилизационный ареал – хазарами, булгарами, печенегами, половцами и татарами. В посвященных данной проблематике фрагментах своих сочинений польские историки решали две взаимосвязанные задачи: с одной стороны, стремились дать этим народам общую характеристику, включавшую свидетельства об их происхождении, ареалах расселения, социально-политической организации и культуре; с другой стороны, обращали внимание на наиболее яркие эпизоды их взаимоотношений с русскими княжествами, чей опыт был ценен и для польского государства, неоднократно подвергавшегося угрозам со стороны «варварских» народов.

Решая первую задачу, польские авторы нередко увлекались выдвиганием умозрительных этногенетических гипотез. В результате, к славянским народам были отнесены хазары (Длугош) и булгары (Кроммер, М. Бельский, Стрыйковский), а половцы и печенеги характеризовались как части одного народа родственного литовцам (Стрыйковский). Относительно согласованными были лишь представления польских авторов о происхождении татар, что можно объяснить их ориентацией на концепции восприятия прошлого этого народа, получившие распространение в европейской средневековой хронографии.

При решении второй задачи наибольшее внимание уделено русско-печенежским, русско-половецким и русско-татарским связям. Упор делается на описании конфронтационных форм взаимоотношений Руси и нехристианских народов: последние характеризуются как «варвары» и «враги христиан», главным образом по русским источникам описывается

длительное и кровопролитное противостояние, протекавшее с переменным успехом и лишь изредка сменявшееся совместными акциями, направленными против общих противников (акцентированы совместные действия русских и половцев против поляков, венгров и татар, а также русских и татар против поляков). В центре внимания польских историков также оказывается сюжет свержения московскими князьями татарского ига, которое было воспринято как акция имевшая позитивное значение для всего христианского мира, значительно усилившая внешнеполитические позиции Москвы.

В третьем параграфе третьей главы «Польско-русские отношения X – XIV вв.» рассматривается ключевой элемент польской исторической *россики* предренессансной и ренессансной эпох – концепция польско-русских отношений, которая была призвана дать историческое обоснование актуальному положению дел в Восточной Европе, характеризовавшемуся политическим господством польского государства и союзной ему Литвы на западных русских землях.

Базовая концепция отношений Польши и Руси была изложена в хронике Длугоша. Она представляла собой сконструированную в «полоноцентристском» ключе комбинацию тенденциозно подобранных реляций о действительно имевших место событиях с авторским вымыслом, в результате чего была создана мифологема позволившая *post factum* обеспечить исторической легитимацией польскую экспансию на русские земли.

В своей концепции Длугош сводит содержание достаточно противоречивых польско-русских отношений лишь к одной тенденции: доминированию Польши. Такой эффект был достигнут благодаря ярким художественным рассказам об осуществлявшихся на протяжении четырех столетий успешных военно-политических акциях польской монархии, направленных на завоевание политического господства на русских землях, в которых прежде всего были акцентированы победоносные «русские» войны польских королей и князей. «Польская» политика русских князей, напротив, изображалась Длугошем лишь как череда преимущественно неудачных попыток освободиться от «польского ига». Правители Руси при этом четко разделялись в его сочинении на лояльных польской монархии князей и «бунтовщиков». Историк выделяет знаковые событийные вехи призванные подтвердить вышеупомянутую тенденцию развития польско-русских отношений («русские» походы Болеслава I, Болеслава II, Казимира II и Казимира III, противостояние Польши

политике Венгрии и Литвы, оспаривавших ее право на владение русскими землями), а также подчеркнуто предвзято оценивает деятельность польских и русских исторических деятелей, сыгравших наиболее важную роль в истории двусторонних отношений (характерны примеры «героизации» польского короля Болеслава Храброго и «демонизации» русского князя Романа Галицкого).

В качестве кульминационного события в истории польско-русского противостояния Длугош характеризует «русскую» войну короля Казимира III, в результате которой земли Червонной Руси были включены в состав польского государства, а в дальнейшем осуществлено размежевание сфер влияния Польши и Литвы на славянском востоке, юридически оформленное в 1385 г. после заключения династической унии этих двух государств, «навечно» закрепившей русские провинции за династией Ягеллонов.

Концепция польско-русских отношений Длугоша не была пересмотрена его последователями: они сохранили приверженность не только ее содержательному наполнению, но и важнейшим идеологическим акцентам. Функциональность данной мифологизированной концепции трудно переоценить: в результате ее популяризации в трудах историков XVI в. в историческом сознании не только польских, но и европейских элит на многие столетия закрепился стереотип необратимости подчинения русских земель Польше, что способствовало развитию комплекса превосходства польских политических и культурных ценностей, обернувшегося в свою очередь принижением роли цивилизационного потенциала восточного славянства польскими интеллектуалами Нового времени.

В четвертом параграфе третьей главы «Взаимоотношения Литвы и средневековых восточнославянских княжеств» рассматриваются представленные в памятниках польской хронографии свидетельства по истории «русской» политики Великого княжества Литовского.

Данная проблематика приобрела особую актуальность в связи с трансформацией польско-литовского союза в 1569 г. в «Речь Посполитую двух народов», укрепление внутреннего единства которой во многом зависело от успешного решения задачи конструирования новой исторической идеологии в равной степени учитывавшей интересы обоих субъектов объединенного государства. Созданная в XV в. усилиями Длугоша «полоноцентристская» историческая концепция была неприемлема для литовско-русских элит Речи Посполитой из-за своей антилитовской

направленности. Альтернативная «литуаноцентристская» концепция была создана главным образом усилиями Стрыйковского. Благодаря ей Великое княжество Литовское было выведено на историческую арену в качестве равноправного партнера Польского королевства, а его право на владение русскими землями получило мощное историческое обоснование.

В отличие от Длугоша, Меховия, Кромера и М. Бельского, для которых вопрос отношений Литвы и Руси был периферийен, Стрыйковский подробно описывает их историю с момента зарождения литовской государственности до эпохи раздела западных русских земель между Литвой и Польшей и их объединения под властью Ягеллонов. При этом выделяется три этапа в развитии литовско-русских отношений: первый этап характеризуется зависимостью Литвы от Руси; на втором этапе литовские князья представляются как защитники русских земель от татарского нашествия, что названо главной причиной территориального расширения Великого княжества Литовского за счет Руси; третий этап Стрыйковский связывает с неудачными попытками восстановления суверенитета русских княжеств, которые обернулись окончательным установлением власти Литвы над Русью в результате захвата Киева Гедимином.

Внимание польских историков также привлекли взаимоотношения Литвы с сохранившими независимость русскими княжествами, которые располагались на ее восточных границах и находились в сфере политических интересов литовских князей: Москвой, Псковом, Новгородом и Смоленском. Интерес к этому вопросу в Польше был обусловлен сближением внешнеполитических программ литовского и польского государств после заключения династической унии в 1385 г. В польских исторических сочинениях были подробно освещены важнейшие акции литовского князя Витольда (Витовта) – присоединение к Литве Смоленска, войны с московским князем Василием Дмитриевичем и походы против «вольных городов» Пскова и Новгорода, проводившиеся при военно-политической поддержке Польши – а также конфликты польско-литовского союза и московского государства на рубеже XV и XVI вв.

В Заключении подведены итоги исследования, сформулированы выводы и обобщения по ключевым проблемам рассматриваемой темы, а также показаны перспективы дальнейшей работы.

Проданный анализ позволил выявить этапы становления польской хронографии на рубеже Средних веков и Нового времени, показать эволюцию подходов польских историков к освещению истории русских

земель в период с 1480 по 1611 г. Следуя передовым тенденциям в развитии европейской историографии, польские авторы восприняли методы описания истории утвердившиеся в интеллектуальной культуре эпохи Возрождения и применили их при описании прошлого не только своей страны, но и ее соседей, среди которых особое внимание было уделено восточным славянам.

Польская историческая *россика* как особый феномен в ученой мысли и фактор исторического обоснования внешнеполитической доктрины Польши и Литвы сформировалась прежде всего благодаря усилиям Яна Длугоша. Этот автор первым из польских историков представил на страницах своей рукописной хроники целостную и идеологически ангажированную концепцию истории восточных славян, созданную преимущественно на основе свидетельств восточнославянских летописных памятников, содержащих свидетельства о политической и культурной истории русских земель, а также их взаимоотношениях с соседними народами, которые излагались в авторской трактовке польского историка.

«Русские» известия Длугоша до массового читателя дошли в интерпретациях его последователей – польских историков XVI в., которые комбинировали заимствованные из его сочинения свидетельства по своему усмотрению, трактовали их с учетом стремительно менявшейся политической ситуации в региональных международных отношениях, а также дополняли новыми известиями. Круг использовавшихся последователями Длугоша источников «русских» известий был существенно расширен за счет трудов античных и средневековых авторов, также были привлечены летописные памятники литовско-русского происхождения и сочинения современных писателей, среди которых выделялся трактат Сигизмунда Герберштейна.

Важнейшей особенностью созданных польскими авторами концепций истории славянского востока было отдельное описание истории «русского» и «московского» народов, что отражало реалии этнополитического размежевания восточных славян на рубеже Средневековья и Нового времени. При этом история Руси излагалась в тесной взаимосвязи с историей Польши и Литвы, акцент делался на описании польско-русских и польско-литовских конфликтов, которые в конечном итоге привели к включению русских земель в состав польского и литовского государств. Московия зачастую представлялась польскими авторами как страна без истории. В их сочинениях не только крайне редко встречаются указания на «русские» корни московитов, но также получают широкое

распространение концепции, доказывавшие различное происхождение двух этнополитических общностей восточного славянства. Попытки показать единство исторических судеб Руси и Московии в польской хронографии были крайне немногочисленны.

Поиск исторических аргументов с целью обоснования актуальных внешнеполитических задач был важным элементом пропагандистской работы, в которой вольно или невольно принимали участие авторы изученных в диссертации польских исторических сочинений, направленной на оправдание и обоснование экспансии польско-литовского государства на русские земли не только в глазах элит собственной страны, но и европейской просвещенной публики. Благодаря публикациям трудов польских историков на латинском, немецком и итальянском языках, в странах Европы была воспринята именно «польская» точка зрения на историю Руси и ее взаимоотношений с другими странами и народами, что стало одной из причин формирования негативного образа России в европейской историографии Нового времени.

Польское посредничество как фактор формирования комплекса представлений европейцев о русской истории, таким образом, является весьма интересным объектом исследования. В представленном диссертационном исследовании показана специфика трансформации образа истории Руси лишь применительно к одной эпохе в развитии исторической мысли Польши. Между тем вопрос искажения истории в интересах политической конъюнктуры, создание «внешних» мифологизированных исторических образов, ориентированных на интересы государственной пропаганды, наконец, целевое использование этих образов для формирования политики исторической памяти сохраняет актуальность и в наши дни и потому заслуживает дальнейшего пристального внимания со стороны научного сообщества.

**Основные положения диссертационного исследования
изложены в следующих публикациях:**

Монографии:

1. *Карнаухов Д.В.* История русских земель в польской хронографии конца XV – начала XVII в. Новосибирск: Изд-во ГПНТБ СО РАН, 2009. 232 с. [13,5 п.л.].

Рец.: *Głazewski J.* Dmitrij Władimirowicz Karlauchow, Istorja russkich ziemiel w polskoj chronografii konca XV - nacziała XVII w. // *Odrodzenie i Reformacja w Polsce*. 2010. Т. 54. S. 232 – 235.

2. *Карнаухов Д.В.* Концепции истории средневековой Руси в польской хронографии эпохи Возрождения. Новосибирск: Изд-во НГПУ, 2010. 291 с. [17 п.л.]

Рец.: *Вітенко М.* Історія Київської Русі очима польських авторів Пізнього Середньовіччя та початку Нового Часу // *Вісник Прикарпатського університету. Серія «Історія»*. 2010. Вип. XVIII. С. 197 – 198.

Научные статьи в ведущих отечественных периодических изданиях, рекомендованных ВАК РФ для публикации основных положений диссертационных исследований:

3. *Карнаухов Д.В.* Латиноязычная историография в интеллектуальной культуре польского Ренессанса // *Философия образования. Специальный выпуск 2*. 2006. С. 109 – 119. [1 п.л.]
4. *Карнаухов Д. В.* История русских земель в «Описании Европейской Сарматии» и «Хронике Европейской Сарматии» Александра Гваньини // *Вестник НГУ. Серия: История, филология*. 2006. Т. 5, вып. 1 (дополнительный): *История*. С. 15 – 20. [0,5 п.л.]
5. *Карнаухов Д. В.* Польскоязычная историческая книга в интеллектуальной культуре эпохи Возрождения // *Гуманитарные науки в Сибири*. № 3. 2008. С. 34 – 37. [0,4 п.л.]
6. *Карнаухов Д.В.* Исторический образ Московии в польской хронографии эпохи Возрождения // *Вестник РГГУ. Серия: Культурология. Искусствоведение. Музеология*. 2008. № 10. С. 101 – 114. [1,3 п.л.]

7. *Карнаухов Д.В.* Историки эпохи Возрождения о периодизации истории России // Преподавание истории в школе. 2008. № 6. С. 15 – 17. [0,3 п.л.]
8. *Карнаухов Д.В.* Концепция ранней этнической истории Руси и Московии в хронике Мартина Кромера // Российская история. 2009. № 1. С. 180 – 188. [0,7 п.л.]
9. *Карнаухов Д.В.* MOSCHI UNDE: Развитие представлений о происхождении "московского народа" в польской историографии эпохи Возрождения // Гуманитарные науки в Сибири. 2009. № 2. С. 10 – 14. [0,5 п.л.]
10. *Карнаухов Д.В.* Образы этничности Евразии в трудах польских историков эпохи Возрождения // Археология, этнография и антропология Евразии. 2009. № 4. С. 92 – 99. [0,7 п.л.]

Научные статьи и материалы конференций:

11. *Карнаухов Д.В.* Мифологема происхождения восточных славян в интерпретации польской просвещенной элиты XVI в. // Вестник Евразии. № 3. 2000. С. 61 – 78. [1 п.л.]
12. *Карнаухов Д.В.* Публикации «Трактата о двух Сарматиях» Мачея Меховского и развитие научных знаний о восточноевропейских землях в эпоху Возрождения // Вспомогательные исторические дисциплины: Специальные функции и гуманитарные перспективы. Тезисы докладов и сообщений XIII научной конференции. М., 2001. С. 34 – 36. [0,2 п.л.]
13. *Карнаухов Д.В.* Легенда о славянских прародителях как фактор этнокультурной самоидентификации чешского и польского народов // Восточная Европа: концерт культур. Материалы III международной научной конференции. СПб, 2004. С. 48 – 56. [1 п.л.]
14. *Карнаухов Д.В.* Ранняя этническая история Руси в историографической концепции Марчина Бельского // Актуальные проблемы археологии, истории и культуры. Новосибирск, 2005. Т.3: История и культура Сибири в исследовательском и образовательном пространстве. С. 30 – 35. [0,3 п.л.]
15. *Карнаухов Д.В.* Вымысел и реальность в концепциях ранней этнической истории Руси польских историков эпохи Возрождения //

- Историческое знание в системе политики и культуры. Волгоград, 2005. С. 68 – 73. [0,3 п.л.]
16. *Карнаухов Д.В.* Исторический миф как феномен интеллектуальной культуры: опыт исследований польских ученых // Мифологические исследования – 2005. Новосибирск, 2005. С. 3 – 9. [0,3 п.л.]
 17. *Карнаухов Д.В.* Формирование исторического образа Руси в польской хронографии XV-XVI вв. (источники и историография исследования) // История и историки: историографический вестник: 2005. М., 2006. С. 53 – 83. [1,7 п.л.]
 18. *Карнаухов Д.В.* Польский историк XVI в. Мачей Стрыйковский о происхождении восточных славян // Российско-польский исторический альманах. Межвузовский научно-теоретический сборник. Ставрополь [и др.], 2006. Выпуск 1. С. 18 – 32. [1 п.л.]
 19. *Карнаухов Д.В.* Развитие представлений о номинации восточных славян в исторической мысли Польши на рубеже Средневековья и Нового времени // Вопросы всеобщей истории и историографии: Сборник научных статей памяти профессора А. В. Эдакова. Новосибирск, 2006. С. 263 – 279. [0,8 п.л.]
 20. *Карнаухов Д.В.* Исторические мифологемы в историографическом восприятии русско-польских отношений // Перспективы исторического и культурологического образования в вузе и школе: Теория и практика. Новосибирск, 2006. С. 213 – 224. [0,7 п.л.]
 21. *Карнаухов Д.В.* Исторический миф как фактор стереотипизации взаимного восприятия поляков и русских // Полонии в Сибири, России и в мире: проблемы изучения. Материалы международного научного симпозиума. Иркутск, 2006. С. 17 – 31. [0,8 п.л.]
 22. *Карнаухов Д.В.* Мачей Меховита и развитие раннеренессансной исторической мысли в Польше (к историографии вопроса) // Российско-польский исторический альманах. Ставрополь [и др.], 2007. Выпуск 2. С. 19 – 32. [0,6 п.л.]
 23. *Карнаухов Д.В.* Мифологические аспекты дискурса в польских ренессансных концепциях истории Древней Руси // Восток-Запад: Проблемы взаимодействия. История, традиции, культура. Материалы всероссийской научно-практической конференции, посвященной памяти профессора А. В. Эдакова: в 2 ч. Новосибирск, 2007. Ч. 2. С. 24 – 29. [0,3 п.л.]

24. *Карнаухов Д.В.* Ренессансная трансформация средневековой традиции восприятия Славянского Востока в польской историографии XVI в. // История идей и история общества: Материалы V Всероссийской научной конференции. Нижневартовск, 2007. С. 36 – 37. [0,15 п.л.]
25. *Карнаухов Д.В.* Международные связи домонгольской Руси в освещении польской хронографии XV – XVI вв. // Российско-польский исторический альманах. Ставрополь [и др.], 2008. Выпуск 3. С. 5 – 31. [1,5 п.л.]
26. *Карнаухов Д.В.* Польские ренессансные концепции происхождения русских и москвитов в свете теории Жана Бодена // История идей и история общества: Материалы VI Всероссийской научной конференции. Нижневартовск, 2008. Ч.1. С. 139 – 142. [0,15 п.л.]
27. *Карнаухов Д.В.* Идеологические акценты в концепции ранней этнополитической истории Руси Яна Длугоша // Пишем времена и случаи: Материалы Всероссийской научно-практической конференции, посвященной 70-летию кафедры отечественной истории НГПУ. Новосибирск, 2008. С. 102 – 106. [0,5 п.л.]
28. *Карнаухов Д. В.* Представления об истории Руси и Московии как элемент национальной исторической мифологии ренессансной Польши // Национальная идентичность в проблемном поле интеллектуальной истории. Материалы международной научной конференции. Ставрополь [и др.], 2008. С. 327 – 334. [0,4 п.л.]
29. *Карнаухов Д.В.* Рецепция польских ренессансных концепций происхождения Руси как фактор формирования этнокультурной идентичности восточнославянских просвещенных элит во второй половине XVII в. // 350-lecie Unii Nadziackiej (1658-2008). Warszawa, 2008. S. 387 – 397. [0,5 п.л.]
30. *Карнаухов Д.В.* Коммуникативные функции исторической мифологии в процессе формирования «внешнего» исторического образа России (на примере польской ренессансной историографии) // Социальные коммуникации и эволюция обществ: сборник статей международной научно-практической конференции. Новосибирск, 2008. С. 75 – 79. [0,25 п.л.]
31. *Карнаухов Д.В.* Польская историческая россика в политическом дискурсе польско-российских отношений // История идей и история

- общества: Материалы VII Всероссийской научной конференции. Нижневартовск, 2009. С. 342 – 345. [0,2 п.л.]
32. *Karnauchov, D.* „Kronika” Marcina Kromera jako renesansowe kompendium wiedzy o dziejach Rusi // *Staropolskie kompendia wiedzy.* Warszawa, 2009. S. 224 – 243. [1,2 п.л.]
33. *Карнаухов Д.В., Трояк И.С.* Польская книжная россика как фактор развития культурных связей России и Польши в XVI-XIX вв. // *Наука о книге: Традиции и инновации: К 50-летию сборника "Книга. Исследования и материалы": Материалы XII Международной научной конференции по проблемам книговедения.* М., 2009. Ч. 1. С. 34 – 35. [0,2 п.л. / 0,1 п.л.]
34. *Карнаухов Д. В.* Проблема русских летописных источников Яна Длугоша в отечественной и зарубежной историографии // *Восток - Запад: проблемы взаимодействия. Исторический и культурологический аспекты: Материалы научно-практической конференции.* Новосибирск, 2010. С. 29 – 38. [0,5 п.л.]
35. *Карнаухов Д. В.* Восточнославянские династические легенды в интерпретациях польских историков конца XV - XVI веков // *Предания и мифы о происхождении власти эпохи Средневековья и раннего Нового времени. Материалы конференции.* М., 2010. С. 54 – 58. [0,25 п.л.]
36. *Карнаухов Д. В.* Проблема летописных источников хроники Мачея Стрыйковского в отечественной и польской историографии // *Образы России, ее регионов в историческом и образовательном пространстве: Материалы всероссийской научно-практической конференции с международным участием, посвященной 75-летию Новосибирского государственного педагогического университета.* Новосибирск, 2010. С. 74 – 77. [0,3 п.л.]
37. *Карнаухов Д. В.* Польская ренессансная историческая *russica / moscovitica* как феномен интеллектуальной культуры и идеологический конструкт // *Историческая память, власть и дисциплинарная история. Материалы международной научной конференции.* Ставрополь [и др.], 2010. С. 41 – 44. [0,5 п.л.]